

КОВЧЕГ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ЛИТЕ
ТОМ I

18+

Ковчег (ИД Городец)

Сборник
Ковчег Лит. Том 1

ИД «Флюид ФриФлай»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сборник

Ковчег Лит. Том 1 / Сборник — ИД «Флюид ФриФлай»,
2020 — (Ковчег (ИД Городец))

ISBN 978-5-907220-19-5

В сборник «Ковчег Лит» вошли произведения выпускников, студентов и сотрудников Литературного института имени А.М. Горького. Опыт и мастерство за одной партией с талантливой молодостью. Размеренное, классическое повествование сменяется неожиданными оборотами и рваным синтаксисом. Такой разный язык, но такой один. Наш, русский, живой. Журнал заполнен, группа набрана, список составлен. И не столь важно, на каком ты курсе, главное, что курс – верный.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907220-19-5

© Сборник, 2020
© ИД «Флюид ФриФлай», 2020

Содержание

Лана Акерман	6
Наталья Алибаева	12
О любви	12
Эффект наблюдателя	16
Карина Бенгард	20
Часть 19	20
Часть 65	26
Часть 84	36
Любомир Билык	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ковчег Лит

Том 1

© Л. Акерман, Н. Алибаева, К. Бенгард, Л. Билык, Г. Бурденко, В. Былинский, А. Воробьева, А. Геласимов, М. Горшков, А. Грановский, Д. Гулин, А. Гумерова, К. Дергачева, М. Жуланова, М. Заболотская, Д. Копытова, И. Кузнецов, 2020

© ИД «Городец-Флюид», 2020

Лана Акерман Семинар Андрея Геласимова, 2-й курс Поколение Лунтиков

– Поколение Лунтиков. Все фиолетово. Целая армия большеглазых «Я родился». Я родился, поэтому не судите меня. Я родился, поэтому любите меня. Я родился, и это мое главное достижение. На сожжение этот мир.

– Мыр.

– Вот кошка. Кошка тоже сейчас со мной из окна смотрит. Тоже это видит. И она тоже родилась. Ну? Она родилась – в речку ее со всеми. Барахтайся, глотай – никто ничего не должен. Но она же родилась! И я родился. Прибило ее не так, как всех, а к берегу. Родилась и выжила. И я родился и выжил. И что? Достижение? А эти, вон, ходят важные. Топ-топ-топ по тротуару. Вон, там Мурка, видишь? Плывет такая толстуха, жирная, скользит в пальто. Кряхтит, видимо, – морда красная трясется. Родилась, и поэтому кормить ее, свинью, надо. А этот вон: руки-граненый-стакан! Красивый. Родился такой молодец, а ты, Мурка, ноги раздвигай. Чего мурчишь? Не понимаешь. Да ты... Мозги у вас, котов, тоже не человечьи.

– Федл Балисыч, хватит волчать! Мне пола.

В комнату, неуклюже перекатываясь с пятки на носок, вошла деловая дама лет шести.

– Как же? Я там тебе это самое, яйца с помидорами и фаршем пожарил.

– Так уж и быть!

Нонна Морковкина вскарабкалась на широкий деревянный стул и, еле дотянувшись, уронила подбородок на край стола.

– Актриса, – выдохнул худощавый старик в протертой тельняшке.

Важно постукивая ложкой по зубам, Нонна доела омлет.

– Спасибо нашим повалам за то, что вкусно валят нам! На, это тебе мама на опохмел оставила.

Нонна умело распоряжалась деньгами, оставленными матерью на недельный проезд и содержание дедушки. Вчера она впервые начала копить деньги с поездок на котенка, добираясь пешком до подготовительной группы гимназии, а сегодня осознала, что хозяйка всего происходящего она и только. Поэтому юная аферистка бросила на стол деду пятьдесят рублей из положенных ста.

– Мамка твоя – жмотина. На что я сигареты покупать должен? Дай еще.

– Мне сказали давать по ласписанию, я и буду!

И, оставив на полке ненавистную красную шапку в виде ромашки, Нонна толкнула входную дверь и вышла, бросив пренебрежительное, как и подобает важной персоне, «заклой!».

От дома до двадцать шестой гимназии всего пара остановок, то есть пятнадцать минут. Но Нонна, при своей мании опаздывать, все-таки вышла на час раньше. Перед ней стояла важная задача: накопить на котенка. Несколько лет она предпринимала попытки обзавестись питомцем, таская с улицы больных котят, из числа которых была и Мурка. Она держала их всех на балконе, периодически приглашая бабушку для проведения процедур. По идее, попасть в импровизированную ветеринарную клинику Нонны было непросто. Сооруженный из калькулятора и скотча домофон должен был пропускать лишь знающих тайный код, который менялся каждые пять часов. На случай, если домашние не захотят играть по правилам, хозяйка заведения поставила видеокамеру, но включать она ее не умела. Поэтому, когда все хвостатые пациенты пропали, и Нонна прибежала к маме с криками «Надо по видео посмотреть», мама сказала, что камера не работала и съемка не велась. Дед же сказал, что они перегрызли друг другу глотки, обратив все подозрения на себя. За это он поплатился потом не раз и расплачивается

до сих пор. А недавно он заявил, что Мурка «скоро подохнет» (ее, кстати, нашли в подъезде через пару дней после пропажи больных), поэтому Нонне в кратчайшие сроки нужно было собрать денег, чтобы купить британца у подружки матери и успеть до смерти старой Мурки.

До кражи маминых-дедушкиных денег девочка уже копила. Бизнес родился из актуальной проблемы. Детей доводили до школы родители, отвечая на любые хотелки фразой: «Потом сам купишь, вот тебе сто рублей». А на первом этаже гимназии сидела бабушка с завидным ассортиментом конфет, фишек, календариков, закладок, наклеек и поддельных документов разных героев мультиков и фильмов. Она уходила раньше, чем заканчивались занятия, а так как уроки проходили на втором этаже, и детям в течение всего дня было запрещено выходить за его пределы, все оставались при деньгах и без желаемого. Нонна быстро подхватила волну и стала приходить в гимназию пораньше, скупая у бабули почти весь ларек. Отчего старушка, естественно, уходила еще раньше, выполнив дневной план. А Нонна расфасовывала купленное по пакетикам с надписями: «10 р.», «20 р.», «50 р.». Самыми дорогими были документы. Еще бы, всем хотелось иметь водительские права Беллы Свон или Эдварда Каллена из «Сумерек» или паспорта девочек из группы «Ранетки». Разумеется, продавала она все втридорога и тайно. Но довольные дети и не думали ее подставлять. Никто. До сегодняшнего дня.

Поднявшись на второй этаж, на котором юная предпринимательница, дожидаясь уроков, расфасовывала товары, Нонна встретила Софью Андрееву. Это была толстая узкоглазая девочка из ее группы.

– Я расскажу Галине Григорьевне, что ты продаешь бабушкины товары дороже. Галина Григорьевна у тебя все заберет, и тогда я буду гадать на бумаге или сахарном гномике за двадцать рублей.

– Понимаешь, это бизнес. И если вдруг кто-то поймет, что можно так легко сместить длугого и плодавать свое, то сместят и тебя. Поэтому давай сотлудничать? Я плодаю на пелвой пелемене, а ты – на втолой.

Так Нонна и Софья стали монополией подготовительной группы двадцать шестой гимназии. Но деньги однокашников не доживали до второй перемены, поэтому Андреева быстро ушла из бизнеса. Однако, это гораздо позже, сегодня же Нонна и Софья решили после уроков сбежать с продленки и отметить сотрудничество в «Джунглях», пропустив пару молочных коктейлей.

– Мне нравится Артем Курдогян, а он даже не хочет со мной сидеть, – покручивая пластмассовую пальму, Андреева заплакала.

– Успокойся. Он ведь даже не знает о твоих чувствах. Давай завтла на плодленке ты отведешь его за шкафчики и поцелуешь? Вдлуг это все поменяет.

– Мне страшно.

– Я могу пойти с тобой и тоже его поцеловать, хочешь?

– Давай.

Нонне тоже нравился Артем, но об этом не знал никто. На мамин вопрос «Кого ты любишь?» она всегда отвечала: «Тебя».

Когда Софью забрала мама, Нонна побежала домой, ведь через двадцать минут, ровно в семь часов, начнется «Ханна Монтана» по одиннадцатому каналу. Она неслась вприпрыжку. Остановка «Театр кукол», библиотека «Шатлык». В голове играла песня из заставки сериала – остановка «Райисполком». «Да, я плоская девчонка», – подземка, мост. «Но втайне я супел-звезда!» – остановка «Шестой комплекс», дом. Подбегая к подъезду, Нонна разглядела на холме у детской площадки знакомую куртку. Она бесстрашно перебежала дорогу и подошла к черному пятну на желтеющей траве.

– Дедушка?

Федор Борисович перекатил по лысой земле голову в сторону внучки.

– Ты зачем опять так напился? Пойдем домой.

Дед лежал без ботинок, мокрый от мочи и «Балтики 9».

– Обувку спиздили, сволочи.

– Пойдем домой, тебе надо помыться.

– Я умираю, а они ботинки забрали, сукины дети.

– Дедушка! У меня «Ханна Монтана» начинается, пойдем.

– Не выйдешь из дома. У каждого подъезда выпить предложат. Нажрешься, пока до сигарет дойдешь.

Нонна заплакала, ибо знала, что это ее главное оружие.

– Дедушка, пожалуйста, пойдем домой. Я очень хочу домой. Пойдем.

Старик встал с третьей попытки, пнул бутылку, валяющуюся у ног, и зашатался в сторону подъезда. Подойдя к железной двери, зеленая краска которой давно уже посыпалась и разнеслась ногами ребятишек по всему двору, дед осознал:

– Блять, ключи просрал.

– У меня есть, мне мама оставила.

– Нет, я должен найти.

Нонна сунула руку в мокрый карман деда и достала оттуда звенящую связку.

– Вот же они.

Вечер прошел скучно. На «Ханну Монтану» Нонна опоздала. Она поужинала печеньем с молоком и легла спать. В час ночи зазвонил домашний телефон. Нонна испуганно вскочила с кровати и поняла, что дед пропал. Видимо, пошел искать уже найденные ключи, ну, или ботинки. Звонил участковый:

– Башманов Федор Борисович находится в изоляторе временного содержания.

Нонна прекрасно знала это место, они не раз ходили туда с бабушкой за дедом. Она быстро застегнула розовую курточку поверх пижамы и выскочила на улицу. Путь выбрала знакомый, через четырнадцатую школу. Проходя мимо трехэтажного учебного здания, Нонна вдруг вспомнила, как мама рассказывала, что на этом месте раньше было кладбище, и она сама видела здесь призраков. За спиной слышались шаги. Нонна побежала в сторону калитки. Шаги тоже бежали, но видно никого не было. Преодолев участок с привидениями, девочка продолжала нестись, вглядываясь в номера домов. Вот тут живет Вера, в том году была у нее на дне рождения. Вот тут они с Катей лазали по горке. Вот тут ее поликлиника. Вот тут у нее мальчишки отобрали велик. А вот и обезьянник (также он являлся вытрезвителем). Нонна пролезла боком между прутьями ворот с колючей проволокой и забежала в единственное освещенное помещение. Откуда-то доносились животные крики. Дверь была открыта.

– Здласте, я за дедушкой.

Высокий мужчина в форме отложил чай и вышел из-за стойки.

– Ты что тут делаешь? Тебе сюда нельзя, ты слишком маленькая. Где твоя мама?

– Мама с бабушкой уехали в Менделеевск. Я за дедушкой плишла. Вы звонили.

– Мы не можем отдать тебе дедушку, иди домой.

– Я никуда без дедушки не уйду, а на улице темно, и мне стлашно. У четырнадцатой школы пливидения.

– Подожди здесь.

Высокий мужчина ушел, где-то хлопнула дверь. Все это время вопль не прекращался. Нонна вышла из комнаты со стойкой в коридор. Воняло. В ряд растянулось множество решеток, за которыми валялись грязные раздетые мужики. В конце коридора орал толстый мужчина в красных трусах, прикованный ремнями к кушетке. Он дергался, как пойманная рыба, и кричал что-то на нечеловеческом языке.

– Привет, малышка, – из-за решетки вылезла грязная волосатая рука.

Нонна отбежала обратно в комнату и расплакалась. А рука закричала:

– Рабочего мужа – в клетку?! Сволочи! Чтоб вы все передохли!

– Тише!

В комнату вернулся высокий мужчина в форме. С ним пришел еще один, такой же.

– Ну-с, что будем делать?

Первый наклонился к Нонне и улыбнулся:

– Четырнадцатая школа не такая страшная, как это место, правда?

Оба захохотали.

– Как деда-то звать? – второй подошел к стойке и открыл какой-то журнал.

– Башманов Федл Балисыч.

– Вернем мы тебе деда, – усмехнулся первый и ушел.

Второй что-то писал, а из коридора послышалось:

– И не стыдно тебе?!

В комнате появился дед.

– Ну, стыдно. А дальше-то что?

Он еле стоял на ногах, один глаз заплыл кровью, а ботинок по-прежнему не было.

– Пойдем спать, дедушка.

Нонна проспала подготовительные занятия, а следовательно, и продленку, где за шкафчиками должен был состояться первый поцелуй. Но грусть быстро прошла, когда девочка вспомнила, что в рюкзаке лежат деньги с продаж за весь октябрь, и сегодня Жухля из шестого подъезда женится на Наташке Воробьевой из соседнего дома. А свадьба – значит, деньги.

Женитьба была самым крупным событием в жизни двора. За монетками, которые разбрасывали у подъезда, охотились ребята со всего комплекса. Поэтому Нонна бросила сто пятьдесят рублей для деда на кухонный стол и собрала команду со своего дома. Дети устроились у песочницы.

– Итак, Андлей, Никита и Саша, вы лазгоняете лебят не из нашего дома. А мы с Настей, Евой и Катей собираем деньги. Потом делим все половну, поняли?

– А зачем нам их разгонять? – ковыряя песок палкой, поинтересовался Андрей.

– Ты что, дурак? Чтобы нам больше досталось. Они пускай в своем доме деньги собирают. – Никита покрутил пальцем у виска.

– Ты чего обзываешься? – Катя толкнула Никиту в плечо, и он упал на песок.

Она была старшей сестрой Андрея и постоянно издевалась над ним. Но это было только ее право.

К шестому подъезду стали съезжаться украшенные «десятки», гудели клаксоны. Ребята ринулись в сторону праздника, на бегу разделяя территорию поиска. По обе стороны от подъезда встали наряженные женщины и мужчины. Заиграл свадебный марш. Со скрипом распахнулась ржавая дверь. На улицу вышли невеста в пышном белом платье и Жухля, впервые одетый не в адидас. Девочки заспорили, у кого будет на свадьбе такой же наряд, как у Наташи. Полетели монетки. Они цокали на лету и звонькали, ударяясь об асфальт. Маленькие ручки хватили железки и засовывали их в карманы. Узенькие лбы ударялись о толстые колени, спрятанные под плотную ткань брюк, а монетки соскальзывали с туфель, влажных от шампанского, и прятались в траву. Сквозь свадебный марш слышалось Андрейкино «Уходи отсюда» и Сашкино «Это наша точка». Толпа зашевелилась. Пальцы догоняли металлические кружочки, убегающие от важно идущих тетя и дядя. Молодожены и их свита расселись по машинам и с громкими гудками уехали со двора.

Ребята снова собрались у песочницы и стали считать навар. Итог: семьсот тридцать пять рублей и красное ухо Андрея.

– Володя из третьего дома меня ударил!

Поделили почти поровну. Каждому по сотне, Нонне – сто тридцать пять. За то, что всех организовала.

– Пойдемте за чипсами! – весело вскочил Никита.

– Я не могу, у меня капитал! – Нонна важно повернула голову на Никиту.

– Что еще за капитал? – удивился Саша.

– Коплю на котенка. Мама Евы плодает блитанцев.

Все посмотрели на Еву, а она покраснела от внезапного внимания.

– Ну раз твоя мама продает, то ты и угощаешь Нонну. Она же из-за этого не может! – Андрей встал и махнул рукой.

Ева молча кивнула. Она была самой младшей во дворе, поэтому со всеми соглашалась.

В ларьке «Сим-сим» на остановке ребята купили четырнадцать больших пачек «Русской картошки» со вкусом курицы, семь бутылок «Алисы» и несчетное количество жвачек с вкладышами по рублю.

– У меня форд мустанг! – хвастался Андрей.

– А у меня Росомаха, – грустила Ева.

– А у Нонны – Белоснежка!!!

– Ева, хочешь поменяться? Я люблю Лосомаху, а ты – плинцесс.

Так произошел самый выгодный обмен Нонны за этот день.

Потемнело и похолодало. Ребята, объевшись скрюченных крахмальных лепестков, разошлись по домам. Зайдя в квартиру, Нонна обнаружила три пропажи: исчезла Мурка, исчез дед, а копилка в виде ежика, на которой папа еще при жизни написал: «На мобилу» – разбита и пуста.

– Как же я теперь куплю котенка?! – Нонна разрыдалась. Несколько часов она просидела на кровати под одеялом. Когда уже было нечем плакать, девочка решила найти Мурку и деда. По возможности она хотела отыскать и деньги, но вспомнив, что в рюкзаке и карманах есть какая-то их часть, успокоилась. Поразмышляв, Нонна поняла, что дедушка в шесть часов вечера может быть в трех местах: на холме, у подъездов, в казино. Так как на улице она его не нашла, стало ясно, что Федор Борисович решил попытать удачу с одноруким бандитом. Возникло снова три варианта: казино на остановке «Райисполком», на остановке «УВД» и в соседнем доме. В последнем ее узнавали охранники, поэтому она начала с него. Подойдя к белой пластиковой двери, стекло у которой было заклеено черной пленкой, она потянула за ручку. С порога Нонна обратилась к мужчине в костюме, который был выше и шире ее в десять раз:

– У вас?

– Ага.

– Выводите.

Он пробубнил что-то по рации, и через несколько секунд другой гигант, похожий на пингвина, приволок за шкирку дедушку.

– Дедушка, плопали деньги и Мулка.

Охранники усмехнулись.

– Спасибо. Всего доблого, до свидания.

Дед с внучкой пошли в сторону дома. Федор Борисович был снова безобразно пьян.

– Знаешь, солнышко, Мурка разбила твою копилку и умерла от стыда. Деньги я потратил на похороны.

– Бедная Мулка.

– А хочешь, мы тебе нового котенка купим? Я сегодня немного выиграл, – дед улыбнулся именно так, как улыбаются пьяные старики.

– Конечно! Мама Евы блитанцев плодает.

Они поднялись на девятый этаж и постучали. Открыла тетя Полина. Ева обнимала ногу мамы. Увидев Нонну, она улыбнулась и подняла голову на маму:

– У Нонны капитал! Она за британцем!

– Проходите, они в зале, – рассмеялась тетя Полина.

В огромной комнате резвились белые и серые комочки. Один был коричневым. Он постоянно спотыкался и падал.

– Смотри, дедушка. Плям как ты! Тетя Полина, нам его.

Дедушка засмеялся и взял крошку на руки.

– У тебя, как и у елки, на спине ластут иголки. Только с виду ты колючий, а вообще-то ты доблужий. Ну очень доблужий ежик!

Этот стишок читал игрушечный ежик, которого подарила Нонна деду на Новый год. Федор Борисович часто, когда напивался, слушал его и плакал.

Утром зазвонил телефон. Нонна снова испугалась, потому что на этот номер могли звонить только со школы или из полиции. Это была мама.

– Привет, девочка моя! Как дела?

– Плекласно! На уроки собилаюсь.

– Умница. Логопед там с тобой занимается?

– Да.

– А дед не шалит? Хорошо себя ведет или опять пьянствует?

– Все холошо, почти не пьет.

Нонна подмигнула деду, а он опрокинул стакан водки и улыбнулся.

– Пока, мам, я опаздываю. Люблю тебя.

– Федл Балисыч, не забудь поколмить Финика. А я пошла залабатывать ему на домик!

Наталья Алибаева

Семинар Андрея Геласимова, 2-й курс

О любви

Таких страстей финал бывает страшен...
У. Шекспир, «Ромео и Джульетта»

Ева ехала с учебы. Прокручивала в голове день, мысли заглушались стуком сердца и гулом метро. Болела голова. Глаза Ева закрыла и не открывала, пока до ее плеча не дотронулась женская рука.

– Девушка, вы в порядке? – Незнакомая попутчица встревоженно глядела ей в лицо чуть ниже глаз. Ева растерялась. Она открыла рот, чтобы что-нибудь ответить, и вдруг почувствовала вкус крови. Незнакомка дала Еве платок, та прижала его к носу. Обе испуганно смотрели друг на друга.

– На какой вы выходите? Вас, может, проводить? – спросила знакомка.

«Ну, перенервничала, – думала Ева, – бывает». Она отказалась от помощи той женщины и шла теперь одна по улице, ведущей к общежитию.

В ушах звенело. Ныли зубы. Ноги подкашивались. «Чаю бы, – подумала Ева, – чаю – и все будет хорошо». Во рту все еще был привкус крови, голова кружилась.

В комнате Ева без сил упала на кровать, чай пришлось отложить. Она уткнулась носом в подушку и заснула.

Ей снился он. Искрящиеся голубые глаза смотрели на нее, тонкий рот ухмылялся и что-то произносил. Она тоже была там, во сне. Смеялась над его шутками. «Я закурю? – спросил он. – Спасибо». Ева с удовольствием вдыхала дым сигареты.

Когда она проснулась, в комнате действительно было накурено. Ева попыталась встать с кровати, но конечности словно отказали ей.

– Доброе утро, – сказала соседка по комнате.

– Который час?

– Восемь.

– Утра?

Зимой глянешь в окно и не поймешь, восемь вечера еще или уже восемь утра. Зимой вообще лучше не спать, а то теряется чувство времени. Зимой надо быть начеку.

– Вечера, ты что, – соседка докурила и сползла с подоконника. – Принести тебе что-нибудь?

Эти таблетки – от похмелья, а Ева в жизни не пила. Однако, видимо, только они ее сейчас и спасут. Каким-то образом она проспала три часа, и ее голова сейчас мало чем отличалась от заплесневелой буханки, которую они с соседкой выкинули утром. Но без буханки жить можно, а вот голову терять нельзя. Даже из-за него. Даже. Из-за. Него.

– Ох, кто тебя так? – удивилась соседка, когда Ева стала переодеваться. Та глянула в зеркало: многочисленные фиолетовые синяки рассыпались по ее рукам. Это было почти красиво.

– Никто. Стукнулась, наверно, обо что-то.

Соседка кивнула и вернулась к работе над своим докладом.

Еве тоже надо было сесть за стол и заняться уроками. Надо-надо-надо. Она споткнулась о ковер и упала. «Ну и ладно, – подумала Ева, – буду лежать, значит». Соседка посмотрела на это и легла рядом. С тех пор, как они сделали в комнате перестановку, места на полу было много. Соседка могла теперь заниматься йогой. А Ева – падать и не биться о мебель.

– Что с тобой? – участливо спросила соседка.

– Не знаю.

– Ты заболела?

– Не знаю.

Обе помолчали. Потом соседка снова заговорила:

– Это из-за него?

– Не знаю.

– Знаешь. И я знаю. Из-за него.

– Ну, раз ты все знаешь... – улыбнулась Ева. А потом заплакала и тут же оказалась в теплых соседкиных объятьях.

– Ты просто устала. Все будет хорошо. Остался один день до каникул, – успокаивала соседка. Но Еву это не могло успокоить: в каникулы она не будет с ним видеться... Зачем только придуманы эти каникулы!.. Ева зарыдала из последних сил, а поскольку их совсем не осталось, со стороны казалось, что она почти успокоилась.

– Ну, будет тебе, будет, – все приговаривала соседка.

«Будет? – подумала Ева, снова проваливаясь в сон. – У нас с ним что-то будет?..»

Он учился на последнем курсе, они сталкивались только в столовой. Ева преспокойно подслушивала его разговоры с приятелями и даже не испытывала угрызений совести – ведь говорили они в основном про учебу, ничего тайного и личного не выбалтывали.

Он ей казался очень умным. Ему было почти двадцать два, он был высоченным и синеглазым как черт-те что. Девушки вились вокруг него, как лианы вокруг дерева в тропическом лесу. Ева почти завидовала, когда видела, как какая-нибудь старшекурсница вынимает у него изо рта зажженную сигарету и затягивается сама. Сама Ева не курила – аллергик и астматик, что тут поделаешь.

Пришла в себя она в пустой комнате. За окном пели птицы. Было утро. Соседка, видимо, только что ушла. На записке, оставленной на Евиной прикроватной тумбочке, еще не высохли чернила.

«Скажу, что ты заболела, позаботься о справке, люблю целую, до вечера.

Р. С. Свари гречки, будь душкой».

Ева поднялась и встала у окна. Без труда нащупала взглядом худую фигуру соседки, бодрым шагом идущую к остановке. Вот она села в автобус... Все. Теперь Ева совсем одна.

Он жил не в общежитии. Она это сразу узнала. В тайну ее сердца поначалу была посвящена только соседка, но соседка-то не промах, она все про всех знает. Он был из Москвы, и каждый день после занятий они с Евой шли в разные стороны: он – к метро, она – к остановке.

Ладно. Не «каждый день». Как-то она шла за ним до метро, бежала за ним по эскалатору (что за дурацкая привычка ходить по эскалатору?!). Ева с ее астмой чуть не померла там и еле успела прыгнуть с ним в один вагон.

Как он ее не заметил? Как не узнал, когда она сделала это второй раз? и третий?..

Ева чувствовала себя героиней «Письма незнакомки» Стефана Цвейга, а она такое любила читать, что уж тут греха таить.

Романы и новеллы о любви... Влюбляться в героев, ревновать к героиням... Без этого ценного опыта сумела бы она полюбить его так... как любила?..

Что такое? Она сама не заметила, как расчесала запястье до крови. Машинально, совсем не специально. Рубашка испачкалась кровью. «Надо ногти подстричь!» – поняла Ева, ища в шкафу пластырь, и тут с изумлением и ужасом обнаружила, что один из ногтей торчит в свежем порезе. Она оглядела пальцы – на одном из них действительно не было ногтя. «У меня галлюцинации, – стала уговаривать она себя. – Такого быть не может!..» Все говорили ей, что она «разваливается по частям», но это же фигура речи...

Все руки были в бинтах, голова была в облаках, и в животе заурчало. Есть Ева не хотела, ее подташнивало, однако она еще летом дала обещание маме: завтракать каждый день, всегда и везде, при любой погоде и в любой компании. Утром не позавтракаешь – днем упадешь в обморок. Такое уже сто раз бывало... Так что где тут этот ваш йогурт? Подайте его сюда.

Кожа у него бледная, чистая, без единого изъяна. Ева хорошо его рассмотрела за эти полгода.

А влюбилась она... С первого взгляда. Нет, не так! Как называется, когда влюбляешься в голос, впервые его услышав?

О, этот голос...

Ева снова почувствовала вкус крови. И что-то инородное болталось во рту. «Пломба, наверно, выпала...» Странно...

Ева плюнула. С кровавой слюной изо рта вылетел зуб. Коренной, конечно. Еву прошиб пот. «Что за дела?!»

А тут еще обои засмеялись. Просто взяли и захохотали: Еве пришлось заткнуть уши. Неужели она с ума сходит? Все говорили ей, что она «сходит по нему с ума», но это же фигура речи...

Зуб она пока не стала выкидывать. Но, как Скарлетт, решила «подумать об этом завтра». К стоматологу она сегодня точно не попадет, а вот к терапевту пойти обязана!

Одеваясь, заметила, что многочисленные синяки все до единого поменяли местоположение. Этот, цвета переспелого абрикоса, перепрыгнул с одной коленки на другую, эти, помельче – водили хоровод на запястьях. Ева видела, как они медленно перемещаются под кожей.

И вот поди объясни все это врачу! Слушать ее не стал. Посмотрел на синяки, на красноречивый промежуток в зубах и деловито выдал: здорова. Ева стала говорить ему про температуру, про то, что ее знобит и мутит последние несколько месяцев, а он ей: здорова. Она тогда показала отвалившийся ноготь. Врач поморщился, но на своем-таки настоял: «Здорова». Ева опешила.

Ну ладно.

Она никогда еще не пропускала институт. Наверно, проблем не будет...

А вот он частенько пропускает. Ева знала его расписание и старалась оказываться на переменах там, где ему надлежало находиться (беготня от корпуса к корпусу порядком выматывала, но все усилия окупались, если она хотя бы видела мельком его затылок. Затылок! Или рюкзак... Рюкзак!), однако... Его там частенько не было.

В такие дни рельсы и реки манили Еву, крыши и опасные перекрестки... В такие дни из носа текла кровь, и руки дрожали, и ком стоял в горле. В такие дни Еву лихорадило.

А теперь! Не увидит его до самого февраля – уму непостижимо!

«Сильна в ней нежность», а «с милым увидаться средства нет» – поэтому, видимо, и болит так в груди...

Разматывая шарф, Ева заметила, что к нему пристали целые пряди волос. Видимо, ее волос. Они совершенно безболезненно покидали ее голову. «Забавно, – подумала Ева, – забавно...»

А однажды он с ней заговорил. Спросил что-то. Она так опешила, что не смогла ответить. Просто смотрела на него. Он засмеялся.

– Что, не знаешь? – спросил он. Его тонкие губы усмехались, но глаза смотрели тепло. Он закурил и огляделся. – Прости, что отвлек, – сказал он, последний раз взглянув на нее, и ушел.

Что-то хрустнуло. Ева огляделась. Тараканы? Их на этом этаже давно не было...

Вот этот-то момент она и вспоминала во снах раз за разом. Она молчит, наслаждается красотой его лица, голоса, а он – знай себе говорит, посмеивается над ней, а еще... Комплименты там делает, улыбается. Он так мил с ней во снах. Он...

Снова хруст. Это никуда не годится! Они отвлекают ее от мыслей о нем! Хрустело снова и снова, с небольшими перерывами, раз этак десять. Возможно, одиннадцать – Ева не считала.

Однажды ей приснилось, что...

– Ева! – закричала соседка. – Что ты творишь?

Ева не поняла, чем вызван вопрос соседки. Она сидела на подоконнике, свесив ноги наружу, болтая ими. Чашка чая давно выпала из рук – все десять пальцев (или, может быть, их все-таки одиннадцать?) были сломаны и торчали в разные стороны. Ничего страшного, все равно чай уже давно остыл. Соседка стояла внизу, запрокинув голову, кричала Еве что-то.

– Я не слышу! – отозвалась она, снимая с головы остатки волос и стряхивая их вниз. – Я занята! Потом поговорим! – Ева попробовала вежливо улыбнуться. Еще пара зубов покинула ее десны. Ну и хорошо! Зачем только их столько нужно?!

А еще от него приятно пахнет. А про кожу она уже говорила? Да, идеальная кожа, без недостатков. Он всегда гладко выбрит. А волосы...

Ева засмеялась. И, как у Брюсова, – «...С хохотом / Ты кинулась вниз, на пустой гранит...»

Ева летела ровно пять этажей, ведь общежитие было пятиэтажным. Пока летела, вспоминала всю свою жизнь – от момента, когда первый раз его увидела, до сегодняшнего сна. А до этого она не жила. И после – не будет!

Она стукнулась головой и прежде, чем потерять сознание, увидела свое тело, грязное, обезображенное, зигзагоподобное. Оно лежало отдельно, на неприлично большом расстоянии. Все говорили ей, что «из-за него она теряет голову», но это же фигура речи...

Эффект наблюдателя

I

В Ломоносовском лицее подмосковного города Глубинска шла уже третья неделя учебы, когда к нам в выпускной класс пришел новенький. Это было событие.

Одна из тех девчонок, которые всегда откуда-то все знают, сообщила нам, что новенький – из Москвы. Все слегка возмутились: что он тут забыл?

Мы надеялись, что он так себе, но девчонки в первый же день в него влюбились. Мы надеялись, что он глупый, – надежды не оправдались.

Пришлось смириться.

И искать его дружбы.

А потом оказалось, что он норм – без понтов и все такое. Мы быстро нашли общий язык.

Учителя звали его Семен, но мы стали звать его Сэмом – это ему шло больше. Он курил «Sobranie Black» (причем без б делился, когда мы стреляли) и имел прикольные фразочки на все случаи жизни. И когда мы спросили, почему он приехал в Глубинск, он пояснил: у него дома делают ремонт, поэтому он временно живет тут, на квартире у родственников. Он по большей части там был один, семья редко приезжала.

Сэму нравился наш город. Нам – нравился Сэм.

II

Да, нравился. Мы без него уже не ходили даже покурить за школой – без его шуток и историй было все не торт. И вписки без Сэма ни в какое сравнение не шли со вписками, на которые он приходил.

Мы все балдели с него, понимаете?

И как-то он обронил:

– Ко мне ребята приезжают, будем у меня на хате.

Мы с тех пор не могли выбросить из головы, что у Сэма – самого крутого парня в классе, а следовательно, и в школе – дома будет пати. Мы были в предвкушении.

Всем туда хотелось.

Никого туда не звали.

А девчонка, с которой у Сэма были какие-то недомутки, пригласила саму себя к нему, а потом рассказывала нам, мол, луд и блуд, музыка, алкашка, все дела – весело. Мы от зависти чуть не треснули.

Мы ему, Сэму, говорим:

– Что нас не позвал?

Он засмеялся, отшутился. Сказал, что в следующий раз.

И вместо того, чтобы послать его куда подальше, мы дружно кивнули.

III

В конце октября были контрольные.

Сэм был не дурак, но с химией у него как-то не ладилось. Это мы поняли еще в сентябре: ни уравнения построить, ни простейшей задачки решить. В глубине души мы, конечно, этому радовались: «Не все тебе, Сэмик, перед учителями и девчонками блистать!» Ну и вот, прибли-

жалась контрольная по химии. Сэм тогда подошел к парню одному, который в химии шарил прям, и говорит: «Чувак, помоги, мол, на контрольной».

А они до этого как-то вообще не общались. Этот экземпляр, надо сказать, не пил, не курил и даже не пытался. С девчонками, понятное дело, у него все было грустно. Мы на него и внимания-то никогда не обращали – и тут вдруг Сэм с ним сам заговаривает, первый. И парень поэтому был рад – наконец и он Сэма поближе рассмотрит.

Решил за несколько минут и свой вариант, и его – и вот сидят, болтают. Учительница то и дело, мол, такой-то! сякой-то! ну-ка тихо!

А эти – знай себе сидят, угорают над чем-то. Весело им.

Все-таки правду говорят: смех – идеальное начало для дружбы. Эти двое прям слиплись, как две макаронины в кастрюльке.

IV

В следующий раз, задумав вечеринку, Сэм позвал всех: и нас, и этого, странного. И некоторых девчонок тоже.

Все было как в рассказе его подружки: музыка – на полную, алкоголь – рекой.

Странный припер туда в дурацком свитере блевотного цвета. Мы не особо ему обрадовались. Не то чтобы мы плохо к нему относились, просто нам всем зубы сводило, когда мы видели, как они с Сэмом светятся и лыбятся всякий раз, пожимая руки. У них уже и свое рукопожатие было, и какие-то локальные мемчики выработались – ну и прочая задротская фигня.

Ну так вот, пришел Странный – причем позже всех: домашку делал.

Что было дальше – помним смутно. Мы не привыкли так пить.

V

Девчонка Сэма оказалась сукой.

Они расстались, и он теперь отменно про нее злословил, так, что мы по полу от смеха катались. Единственным, кто пытался как-то за нее заступаться, был Странный. Как нас это бесило! Ну нравится тебе эта сука – так и встречайся с ней, кто тебе мешает? Но нет – ты стоишь тут, между Сэмом и нами, и втираешь нам какую-то ересь. Пошел ты!

Так вот. Несмотря на то, что один, видимо, жестко сох по бывшей другого, они почему-то очень дружили.

Это не нравилось не только нам – учителя тоже стали недовольны. Только мы-то хотели получить обратно Сэма, а они – Странного.

Странный просто всегда был отличник, на золотую медаль шел, а тут вдруг совсем перестал учиться. И наезжали за это почему-то на Сэма. Их стали рассаживать. Как долбаные цветы.

VI

– ...Важнейшая идея квантовой теории – наблюдатель необходим не только для того, чтобы наблюдать свойства субатомного феномена, но и для того, чтобы заставить эти свойства проявиться, – читал Странный с листка. Его скучный доклад слушала только учительница. Мы немного оживились, когда он стал говорить про какую-то мышь и какого-то кота, но это оказалось еще скучнее и непонятнее.

Мы спросили у Сэма, пойдет ли он курить на перемене, но он не ответил. Не услышал. Хотя был без наушников. Сидел, откинувшись на спинку скрипучего стула, и пялился на свои лежащие на парте руки, как какой-то обдолбыш.

Мы позвали его чуть громче. Он удивленно посмотрел на нас, как будто только что проснулся, и сказал, что курить не пойдет.

Доклад Странного подходил к концу:

– ...Первопроходцам квантовой теории казалось, что «эффект наблюдателя» подрывает предположение, лежащее в основе всей науки: что где-то существует объективный мир, независимый от нас. Если мир действительно ведет себя зависимо от того, как – или если – мы смотрим на него, что будет означать «реальность» на самом деле?..

Он дочитал и вернулся за парту.

VII

Наступил декабрь.

Сэм сказал нам, что возвращается в Москву. Объявил, что устроит последнюю пати – мы все приглашены.

Было, конечно, грустно, но, с другой стороны, Сэм уже был не тот, что прежде. Какой-то он стал более задумчивый, шутил меньше и вообще говорил как-то мало и иногда – невпопад.

Но пропустить вечеринку никто не захотел.

Мы набились к нему на хату чуть не всей параллелью – он охренел с этого, сказал, что тронут, дал кому-то денег и послал купить еще бухла.

Было весело, и чем веселее – тем грустнее, что Сэм все-таки сваливает. Пьяные, все причитали: «Ну ты не забывай нас», «Давай мы к тебе на каникулы приедем?», «Обязательно навещай нас!»

А Странный снова пришел позже всех, хотя теперь все понимали, что ничего он дома не учил и никакой домашки не делал. Но мы были в таком расстроганно-пьяном состоянии, что даже Странный нас в ту ночь не бесил. Он сел где-то в углу и просто стал смотреть.

И мы тут же про него забыли.

VIII

Сэм уехал. Как будто мы не сэйвились с самого сентября, а теперь умерли и реснулись там. Только снег и горечь во рту выдавали реальное положение вещей.

Пора контрольных была в разгаре. Все были на нервах, особенно девчонки. Хотя, если задуматься, это глупо, что они всегда так пекутся об учебе – не их же в армию заберут.

А Странный вдруг стал еще более странным. С ним прямо что-то непонятное творилось: ходил вечно на постных щах и как-то весь посерел. И не то чтобы нам было до него дело, но мы все-таки очень удивились.

И однажды на уроке черчения мы все поняли.

Училка по черчению работала в нашем лицее только полгода и ни фига о нас не знала, и вообще ей было на нас трижды пофигу. И вот она однажды открывает журнал, а оттуда, видимо, забыли Сэма убрать. И когда она дошла до его фамилии, Странный вдруг заплакал. Заплакал! И тут же вышел из класса.

Мы сначала ничего не поняли, а потом поняли все.

И как заржем!

IX

Итак, он, значит, к Сэму больше всех равнодушен был. Нас тянуло блевать, и одновременно нам всем стало так весело, что мы сорвали не один урок.

Мы сделали его жизнь по-настоящему невыносимой. Даже как-то стыдно перечислять все, что мы делали.

.....
.....

...И мы, конечно, написали Сэму в Москву – хотели, чтобы он понял, как был неправ, променяв нас на Странного. Но Сэм читал наши сообщения и не отвечал.

В какой-то момент даже дубиноголовые учителя доперли, что к чему, и однажды психологиня взяла и забрала Странного с урока. Лол.

А потом и родители прочухали мазу.

X

Когда на следующий день Странный не пришел в школу, девчонка из тех, которые всегда откуда-то все знают, сказала, что отец его сильно побил.

Когда она это сказала, весь класс взорвался смехом.

Потом были выходные. Мы все забыли про Странного.

А в понедельник одна из тех девчонок говорит:

– Странный умер. Повесился.

Когда она это сказала, в классе воцарилась такая тишина, что мы слышали, как в противоположном крыле училка орет на класс.

XI

Никого из нас не позвали на похороны. Да мы бы и не пошли.

Мы надеялись, что из-за смерти Странного занятия в школе отменят, но нет.

Сэм, когда про все это дело узнал, удалил свой аккаунт, и мы поняли, что он уже точно с нами общаться больше не будет.

А родители Странного развелись. Отец потом, говорят, спился. Про мать ничего не знаем. Уехала куда-то.

Карина Бенгард
Семинары Руслана Киреева, Фарита
Нагимова, Андрея Геласимова, 4-й курс
Полоний

Часть 19

– На Лучевой без происшествий?

Марк оторвал телефон от уха, чтобы посмотреть, кто звонит. Лучевой. Ну конечно.

– Люблю, когда ты меня внимательно слушаешь. – Его смехок заглушил гудок автомобиля.

«Фейстайм».

– О-о-о, а звучишь ты все-таки лучше, чем выглядишь. – Розово-черные квадратики на телефоне сложились в пиксельную улыбку. Белый пиксель над квадратной головой Лучевого грозил залить всю картинку солнечным светом. На улице яркое и еще холодное апрельское солнце, Лучевой на улице. Лучевой говорит.

Марк еле вытащил из-под себя руку, чтобы ткнуть во фронталку средним пальцем.

– Надеюсь, что это не член, а то связь плохая, боюсь перепутать. – Он снова заржал, заставив улыбнуться Марка. – Я к тебе заскочу через полчаса, окей?

И сбросил.

Марк с шумом выдохнул в подушку, в которую снова уткнулся лицом. Он бы застонал, если бы его связки не сказали ему почти неделю назад «до скорой встречи, наша любовь была не вечной». Даже температура не хотела падать, держась на черточке «самая противная» – ни сбить, ни жить.

Встать было невозможно, открыть шторы – тоже, дотянуться до коридора – легче умереть.

«Фейстайм».

– Я забыл спросить: тебе, может, че из продуктов надо взять? Или в аптеке там?

Марк стукнул телефоном себе по лбу, приложив его прохладным экраном к горячей коже.

– Эй, мне так даже твоей рожи не видно. – Луч заворчал, и Марк вытянул руку вперед, хотя из-за полумрака все равно было не совсем ясно, что есть что. – У тебя ведь ангина? Просто кивни. Ага, понял. Температура? Угу. Налет белый? Ага. Врача вызвать? Ясно. Ладно, жди, я на Маяке.

Марк вздохнул, закашлявшись, и утер плечом слюну со рта, размазав ее по рукаву футболки. Глаза слезились от яркой подсветки телефона.

«У тебя не город, а фэнтези-квест какой-то. Перейдите на три поля вперед от Маяка, отвернитесь от Гашика, пойдите на Пекин».

Отправить.

Новое сообщение от Луча.

«ГашЕка, дебил».

Шторы лучше все-таки открыть – солнечный свет убивает микробы. И Лере надо написать, спросить, как она себя чувствует. И дверь открыть.

– Челядь не встречают? – Лучевой заглянул в комнату и, даже не сняв кеды, подошел к окну, дергая плотные шторы в стороны. – Проснись и пой, весна пришла. Я тебе такую кле-

вую штуку купил – обкончаешься. Отвечаю, у тебя такой лет с пяти не было, – он скинул с плеча рюкзак, расстегивая его на лету, и вытащил оттуда пару шуршащих пакетиков из аптеки и доску. С полем для рисования, поделенным на соты. И маленькой магнитной ручкой на веревочке. – Теперь ты можешь послать меня на хуй, даже не снимая штаны! Просто нарисуй.

Марк, поначалу топивший в подушке только один глаз, теперь уткнулся в нее полностью. Но руку за планшетом все-таки протянул.

«Знать не болеет».

– Ммм... окей. Ты это к чему?

«Ты сказал: челядь не встречают». Марк провел магнитом на ручке, чтобы стереть, когда Луч прочитал. Дописал: «А я говорю – знать не болеет».

– А, ладно. Шутки с доставкой по почте, – Лучевой внимательно посмотрел на Марка, – не шути, пожалуйста, пока не сможешь говорить, а то мне стыдно за тебя, когда ты выглядишь тупым.

Марк не ответил. Просто ткнул средним пальцем уже не во фронталку, а в лицо Лучевого, снова утопив половину лица в подушке. Пожелтевшее от болезни с розовыми от температуры скулами, оно смотрелось непривычно.

Марк зашуршал пластиковой ручкой по планшету, не поднимаясь, как кот наполнителем в горшке, карябая еще не испорченную поверхность магнитной доски и уже оставляя царапины, – возможности контролировать свои силы не было. «Как там Лерка?»

– Не знаю. Болеет, вроде лечится. – Лучевой почесал тонкими острыми ногтями подбородок. Он не стриг их под корень, оставляя немного «по-пидорски», как выразился Марк, отрасли. – Ты вообще как? До субботы оклемаешься?

Марк пожал плечами. Взял ручку.

– Не пиши, я все равно плохо понимаю твои каракули.

Он посмотрел на Лучевого как на идиота. «Зачем ты тогда мне эту хрень купил?» – напечатал и повернул телефон к нему, жмурясь от яркого экрана.

– Да я просто забыл, что у тебя зимой по снегу почерк и то лучше. Простите, не почерк – опись.

Лучевой забрал телефон. Вернул.

– Ночной режим и яркость поменьше не пробовал ставить? – Он снова зашуршал пакетиками, которые достал из рюкзака. – Слушай, это сказали после еды сосать. А другие вообще каждый час надо по две штуки. Вы, блин, с Леркой решили посоревноваться? Кто, пока болеет, сосать лучше научится?

Марк захрипел, не в силах застонать. Лежать в одиночестве целую неделю и умирать было, конечно, плохо. Но сейчас стало немного лучше.

– Ладно-ладно, барин не в настроении, барин не может ответить и послать. Давай, открывай ротик и лижи свои сосалки, а я пока поесть закажу и фильм какой-нибудь найду.

* * *

«Лерка не придет?»

Стереть «?».

«.»

Солнце слишком ярко для закатного светило через щель между шторами. Лица в фильме светились синим негативом, но просить Лучевого наклонить экран ноутбука лень.

– С чего ты взял? – Лучевой вздохнул, вернув телефон. Началось.

«Она написала. Сказала, что с работы не отпустили».

– Ну, сейчас погода хорошая, лето. Чего ты хотел? – Лучевой потянул пальцы к пробелу на клавиатуре.

«Луч, что происходит?» Щелк. Пауза.

– Ты о чем?

Марк закатил глаза, выдыхая. Сложно разговаривать молча. Он потянулся к тумбочке, чтобы взять пертуссин – глотком смазать связки, которые собирается снова надорвать, так и не восстановив.

– О том, что мы не виделись почти две недели. Она даже на связь почти не выходит. Луч, что происходит?

– А я откуда знаю, что у вас происходит? Ты, кретин, вместо того, чтобы долечиться, подорвался ее тогда проведать. А то она, бедненькая, не вылечится, пока ты не сдохнешь. Ну и че в итоге? Ты болеешь, она здорова и работает.

Сам ныл, что она постоянно мозги ебет, так радуйся, что сейчас – нет. Или ты решил мне мозг поебать? – Лучевой захлопнул крышку ноутбука, почти скинув его на пол. – А вообще, закрой, блять, рот и заткнись. Какого черта вообще разорался...

Марк вдохнул, выдохнув резко и со свистом и хрипом из легких. Наблюдал за сборами Лучевого он уже молча, только, когда он стоял уже у двери, взял в руки телефон, открывая заметки...

– Закрой. Свой. Рот.

Дверь захлопнулась.

* * *

На кухне грохот, запах на грани сводящего желудок от голода и неприятного. Лучевой там сладкий перец жарит всюю – слюна во рту копится, а почему – неясно. Он еще и поет что-то – дразнится, что может. «ВКонтакте». «Разве ангина – не инфекционное? Какого хера ты ошиваешься здесь каждый день и все еще поешь?»

Пение на кухне смолкло. В дверном проеме показалась светлая макушка.

– Это называется «иммунитет», Марк. Я тебе на холодос буду каждый день «слово дня» клеить, чтобы ты потихоньку их учил. Расширял свой запас, как говорится.

«Пошел ты к черту. И ты, и твой сраный иммунитет».

– А свой ты в каком году послал? А то он по ходу так обиделся, что больше не вернется.

«Ебать ты юморист. Ты че там химичишь? Есть хочу – умираю».

– Умрешь ты от СПИДа, от голода – не успеешь.

По телевизору ерунда. Кроме Лучевого, хочется слышать чей-то голос. Лучевой готовить не умеет, яичница с болгарским перцем – тот еще деликатес. Но Лучевой здесь, Лучевой старается.

– Как думаешь, из тебя бы получился хороший отец? По-моему, нет.

«А из тебя как будто да».

– Так я и не претендовал никогда. Для того чтобы ребенка сделать, баба нужна. А чтобы такую бабу найти, надо ее хотя бы искать. Замкнутый круг. – Лучевой поскреб вилкой по тарелке.

«Ну, раз бабы нет, суррогатное материнство для кого создали?»

– А с каких пор мы обсуждаем способы не для бедных? Ты бы мне заранее сказал, я бы встал и вышел, – он слизал собранный вилкой желток, оставив бледно-желтый след на щетине возле носа. Облизнулся. Не помогло.

Марк поставил свою пустую тарелку на его колено. Не остро, не солено, тошнотно – все как доктор прописал.

«Варианты для бедных не включают в себя пакет услуг «дети». Доступно только премиум-аккаунтам с заработной платой от ста тысяч рублей в месяц».

Луч ухмыльнулся, пробежав глазами по строчкам, и вернул телефон.

– Марк. На улице хоть и лето почти, но бактерии там всякие, и грипп еще есть. – Лучевой, поставив обе тарелки на пыльный пол, прижал ладонь тыльной стороной ко лбу Марка. – Ты из дома, пока сто проц не выздоровеешь, не выходи.

«Когда Лерка придет?»

– Да задрал ты своей Леркой. Позвони и спроси у нее. Или напиши. Я-то откуда должен знать, припрется она к тебе или нет? – Лучевой поднял тарелки с пола и снова ушел греметь ими на кухне.

Горло саднило и немело, глаза, воспаленные и вечно-болящие, слезились.

«ВКонтакте».

«Мои Друзья».

«Валерия Еремина».

«Лер, ты где? Заскочишь сегодня ко мне, когда Луч уйдет? Я вроде уже почти не болею».

На кухне снова звон, мат, какие-то звуки.

«Маркуш, привет. Я тоже очень соскучилась, но сегодня никак, я же работаю;(Коплю нам на Мальдивы, когда ты поправишься».

«Я не люблю жару, Лер. И когда тебя долго нет – тоже не люблю».

Шум воды и снова грохот.

«В любом случае с тобой Луч. Вот с ним и развлекайтесь, а я не могу, говорила же».

Марк сжал улыбку в тонкую полоску. Острые уголки обветренной кожи впивались в ранки, губы пекло. Напечатать все, что думает о Луче как замене Лерки, он не успел.

«Все, мне пора, тут запаха начинается. Целую в обе губки; * »

* * *

Лучевой снова сидел на кровати в своих пыльных носках. Полы не мешало бы помыть, только для этого пришлось бы встать и пробыть не-в-кровати дольше, чем для похода в туалет. Слишком сложно. Пусть лучше сидит в своих пыльных носках.

Лерка приходила давно. Сначала набросилась с поцелуями, как сумасшедшая, а потом что-то орать начала, а Марк – и рад бы, только голос к тому моменту все больше садился, горло драли недранные мартовские кошки. Она ушла тогда и больше не приходила.

«Луч, как думаешь, а у нас у всех уже заранее определены пары? Вторые половинки, настоящие любви и всякое такое? А то я не очень понимаю, как может у всех все начинаться одинаково – любовь до гроба, признания с соплями, а потом у кого-то пятьдесят лет брака, сто детей и пятьсот внуков, а у кого-то развод, дети повесились на форточке, а родители друг друга сжить пытаются».

Лучевой долго сидит, внимательно смотрит то на сообщение, то на Марка, то на телевизор. Сначала по инерции берется печатать ответ, а потом говорит:

– Тебя вообще поперло уже, да? Лерке своей сопли эти пускай. Это не любовь все, Марк. Инстинкты, гормоны, флюиды. Я для кого слова дня на холодос вешаю? Чтобы ты умнел, пока валяешься, а не деградировал. Жрать хочу, пиццу закажем?

«Хуиццу. Надоело тесто жрать целыми днями. Макароны, пиццы, булки и яйца. Фруктов хочу, сгоняй в магаз».

– А хуютков ты не хочешь? Апрель сейчас, никаких фруктов еще нет, только яблоки искусственные.

«Хуютками сам себя корми. Если нет денег ни на что, кроме яблок, не надо меня апрелем кормить. Иди купи яблоки».

* * *

– Марк, ты же понимаешь, что я не могу каждый раз спрашивать тебя, что случилось? – Лучевой снова в кедях завалился на кровать, ладонью сгребая волосы, сожженные летним солнцем и едкой краской, на затылок. Марк взял в руки телефон, чтобы ответить, но Луч остановил его, перебив. – И не спрашивай, почему. Потому что у тебя такое лицо, как будто всегда что-то случается. Я же так шизанутым стану с тобой и буду на улице до людей доебываться: «А чей-то ты грустный такой?»

Марк потер ледяными пальцами глаза и поморщился – болит. Луч затыкаться и не думал, зудел над ухом, взбивая кедами пыль с одеяла. Нужно его попросить, чтобы поменял белье, да и самому помыться не помешает – почти неделю не вставал из-за рецидива, выпаривал из тела всю жидкость, которую в него Луч почти две недели усердно заливал. В комнате, наверное, смердит, как во время эпидемии чумы.

– Я так разговаривать нормально научусь, пока ты молчишь. Уже целые монологи научился почти без запинки, – он ткнул носком кеда ногу в носке. – А то раньше только «епта бля» успеваю, а Марк уже «Письмо Татьяны» придумал и читает мне, где и как я не прав.

От сенсорной клавиатуры отлетают щелчки – звук не выключен. Долго печатал. Про Леру, про то, что она ему почти не пишет, не приходит, не отвечает на звонки. Про то, что видел ее последний раз в апреле, про то, что болеть надоело, а трахаться хочется, как в пятнадцать, а девушка его, кажется, откровенно сливает. Стер. Напечатал снова, гораздо быстрее.

«Может быть, все дело в непрекращающейся залупе?»

– Везет тебе, ты подумать можешь, прежде чем спиздануть, – Луч бросил мутный взгляд на экран, еле сфокусировался, долго щурился. Без линз. – Ты весь – сплошная залупа. Бескрайняя плоть.

«Как будто мне в кайф одну тупую фразу десять лет печатать. Я сто раз передумать успеваю, пока допишу».

– Может, оно и к лучшему? Не думал, что я не всю хуйню, которую ты хочешь мне сказать, хочу услышать? Подумай-подумай. – Он снова ткнул кедом его ногу.

«Зато я с удовольствием слушаю все твои «епта бля», да. Жалко, что текстом нельзя передать сарказм. Так что пишу. САРКАЗМ».

– Ты когда какие-то эмоции выражаешь, тоже пиши, пожалуйста, а то по твоей морде никогда не понятно, что ты изображаешь.

«Допиздишься».

– Допечатаешься. Лежишь уже которую неделю, не вставая, скоро как Хокинг будешь – одним пальцем общаться.

Марк неожиданно ослабился, как не делал этого давно. Еще до болезни, наверное.

– О-о-о, я знаю, что ты сейчас сделаешь.

Едва вытащив из-под себя свободную руку, Марк достал ее из-под одеяла. Поднял. Оттопырил средний палец.

– Я знал. Это твой максимум.

* * *

Прошло еще какое-то время, прежде чем Луч снова заговорил. Он вообще с каждым днем разговаривал все меньше, общался знаками; если находился на кухне, не говорил, а писал. Словно заразился молчанием от Марка.

Вообще, его звали Кирилл. И фамилия у него вообще-то была не Лучевой, а странно-славянская – Маяк.

Лера не приходила. Марк болел вроде бы месяц, точно он не знал, когда начал. Вроде в апреле. На календаре в телефоне был июнь. Только телефон был не его, а Кирилла.

И страница не Лучевого, а Леры.

И не Лерины «целую» и «скучаю».

Не Лерины «освобожусь – перезвоню».

Лерины были только звонки. То есть их не было. И это все, что было от Леры за это время.

То есть Леры не было вовсе.

– Марк, слушай, я могу объяснить...

Лучевой сидел на мешке напротив кровати. Шторы были отдернуты наполовину, освещая только ту часть комнаты, где обычно лежал Марк. Луч был в темноте. Он вроде и не нервничал сильно, не заикался, не дергался. Только молчал долго, недоговаривал.

Марк тоже молчал, даже не зная, может ли говорить. Вроде ангина проходит за то время, что он болел. Осталось узнать – сколько.

– Хотя нет, я не могу.

Марк выдохнул, незаметно пошевелив губами. Попытался заговорить.

– Что? – Луч поднял на него взгляд. В темноте белки глаз выделялись – можно было отследить, куда он смотрит. – Попробуй еще раз.

Марк сглотнул, произнес, задержав дыхание:

– Где?

– Что «где»?

– Кто.

– Кто где?

– Лера.

Луч поднес ладонь ко рту, задумчиво помял пальцами губы. Тонкие, обветренные закончившейся в апреле зимой. Или летом. Или, черт возьми, тем, что сейчас происходит на улице.

Луч спросил:

– Ты правда не догоняешь?

Луч сказал:

– Ее похоронили больше недели назад.

Часть 65

– Марк, если ты продолжишь молчать, ничего не изменится. – Луч сидел в мешке, скрестив руки на груди. Устав сидеть в полумраке, он распахнул шторы, дернув их с такой силой в стороны, что едва не сорвал карниз. – Блядь, класс, – он фыркнул, – то ты болеешь и молчишь, то ты здоров и все равно молчишь.

– Как?

Дыхание перехватило, как после долгого кашля, горло сдавило. На улице была теплая весна, переходящая в осень, солнце светило ярко.

– Что «как»? Марк, ты притворяешься или на самом деле не догоняешь?

– Я не понимаю, что я должен догнать. Я болел, Лера не приходила. Как только я пришел в себя, ты говоришь, что она умерла. – Марк с силой прикусил губу, попав зубами прямо в место содранной кожицы. Скривился и облизнулся. – Что произошло?

– Она умерла, – Луч пожал плечами, улыбаясь. Он вертел в пальцах пластиковую ручку от детского планшета, а вот планшет глазами найти не мог. – Ты правда тупой?

– Это ты идиот. Я уже понял, ты сказал. Как, твою мать, это произошло?! – Кидаться было нечем, под рукой были только подушка и одеяло. Если кинуть подушку – не поймет, что это не игра.

Лучевой молчал. Он смотрел на него огромными восторженными глазами, еле-еле улыбался и молчал. Глаза слезились от яркого света и сухого воздуха.

У Леры были толстые ляжки и худые икры. Когда они только ходили по беседам, один из баров на Кузнецком они приметили сразу. Не для того, чтобы работать, нет. Там были странные туалеты – не делились на мужские и женские, черные квадратики плитки чередовались с зеркалами, под потолком приглушенно горели красные лампы.

Это было определенно не место для работы. И туалет там стоял отнюдь не как средство первой необходимости.

Ее «Маргинсы» делали ноги еще тоньше, а широкая юбка до колена скрывала крупные бедра. Труссы, спущенные с колготками до сгиба колен, в черном зеркале отражались как удачный кадр из порно.

Еще ни в одном зеркале Лера не была такой привлекательной, как в этом туалете. Квадрат – тонкие ноги со спущенными до самых ботинок трусами. Черный квадрат – пропуск. Снова зеркало – большая мягкая грудь над спущенным лифчиком, на которой мягким комом лежит задранный свитер. И никаких непропорциональных ляжек, никакого рыхлого животика, валиком свисающего над лобком. Все это – черный квадрат, цензура. И даже ее лицо – цензура, только губы попадают в одно зеркало с подпрыгивающими сиськами.

Как она могла умереть?

– Вы же сосались постоянно, заболели тоже вместе. – Луч рисовал по коленке пластмассовой ручкой от планшета, даже не глядя на перекошенное лицо Марка.

– Чем заболели?

Луч заржал. Марк не понимал, как можно смеяться в этой ситуации – не натянуто, не саркастически, а заливаясь, утирая глаза и морщась. Как вообще можно смеяться?

– Ангиной, Маркуш. Вы же трахались последний раз месяца четыре назад. Чем вы еще могли заболеть вместе? – Луч поднял вверх указательный палец и «покивал» верхними фалангами.

Марк забрался на кровать в кедах. Он сегодня выходил в магазин за туалетной бумагой, которую Лучевой забыл в прошлый раз. А потом накормил его «пастой» с морепродуктами из тайского ресторанчика. Урод.

– А тебя с хера ебет, когда я трахался? С ней.

– Здоровья тебе желаю.

Марк накрыл лоб холодной влажной ладонью, закрыл глаза.

– Чего ты от меня хочешь? Почему ты мне вообще про похороны не сказал? – Лицо начинало гореть, Марк чувствовал, как нервы горят в голове, а дым копится, застилая глаза. Непонятно.

– Я говорил. И Саня тебе звонил, говорил. Даже Женька, по-моему, звонила. Но вы, тверские, люди такие, с ангиной по телефону разговаривать не желаете, слушать – тоже. Лежишь ты такой две недели назад, гноем плюешься в меня, телефоном бросаешься и говоришь: «Луч, достань из шкафа одеяло теплое. Конец апреля, отопление выключили, суки». Я думал – все. Белочку поймал с лекарств своих, в дурку сдавать надо.

– Говна в тебе, как в сортире на даче, Луч.

– Это в тебе говна, как в сортире, Марк. Сходи проспись, пока не сдох от дерьма своего, сопли на хуй намотай и на работу сходи, в институт наведайся. – Луч прищурил глаз и, как дротиком, метнул ручку от планшета в Марка, попав в колено.

– Мразь ты последняя, Лучевой. – Обе ладони закрыли горящее лицо.

Если все, что говорит Луч, – правда, то Марк не против снова слететь с катушек, слечь с ангиной и потеряться во времени и пространстве.

* * *

– А поехали в Питер? – Женя, оторвав бутылку от рта, резко дернула ее вверх, поднимая руку. На дне плеснулось, и пена, взбесившись, полилась на ее голые ляжки.

– А туда нам зачем? – Марк поднял глаза от своей бутылки, на которую смотрел последние минуты две. Как только все замолчали, так и начал смотреть на нее. С одной стороны, все они были не правы, особенно Луч. «Он никогда ничего не хочет, клал он на всех нас». Ему не все равно, он не всегда ничего не хочет. А с другой – смотреть на них не хотелось.

– Тебя топить, – Луч съюморил. – А если серьезно, то почему нет? У вас ведь учеба только в сентябре? – Саша и Женя кивнули.

– Сейчас опять заведет песню «я не хочу ехать», – Саша, в отличие от сестры, махнул свободной рукой. – Марк, поехали, развеешься.

– Там сейчас туристов много. – Он предпринял последнюю попытку отмазаться, с надеждой посмотрев на сестру, не смотря на Луча даже мельком. Даже краешком глаза. – Вот и сольешься с толпой.

Сборы были наполовину шумными. Саша и Женя, приехавшие в Москву без вещей, в Питер поехать так позволить себе не могли. Они шатались по продуктово-бытовым, шуршали дома пакетами, баночками, переливали Марковские шампуни, таскали футболки, звенели стаканами и вином, «чтобы веселее шло».

Марк делал все молча и тихо. Луч пришел с уже набитым рюкзаком и не шумел.

Квартира поделилась на кухню и спальню. – Почему ты не хочешь ехать? – Луч не удержался. – Потому что это не отдых. – Тебе ведь всегда нравилось там.

– Я там был с Лерой.

– Ты там познакомился со мной.

– Луч, там все будет напоминать о Лере.

– Тебе и здесь все напоминает о Лере. Мы напоминаем тебе.

– Вот и катитесь отсюда.

– Так не работает, Марк. Тебе нужно смириться.

– Я смирился. Почему она умерла?

– А ты не понял?

– Нет, не понял. – Марк психанул, швырнув в Луча своей мочалкой, которую купила Женя. Он не понимал, почему никто ничего ему до сих пор не объяснил. Его утешают, поддерживают, но не говорят.

– Поймешь. Не поймешь – скажу, – Луч пожал плечами.

– Я уже не понял.

– Ты тупой.

Они уставились друг на друга. Агрессию можно было поймать, помять руками и порезать.

Поезд долгий и неудобный. Места маленькие и кресла не откидываются, Луч примостился у окна и, сложив руки на груди, спал. Ему не мешали дети, скачущие даже в ночном режиме, духота и застоявшийся запах пота. Все вокруг пыльное и будто жирное. Кожное сало везде, отпечатки, запах чипсов. Он спал.

На завтра у них целая программа: увидеть и узнать Питер заново, познакомиться с ним как в первый раз. А Марк не спал.

И Лера тогда не спала, лезла к нему, приставала, тащила в убогий вонючий толчок, чтобы «ну пойдём, чего ты спишь». Теперь он не спит, а Леры нет.

Вокзал. Заселение. И все такое же, только подмытое. Кожный жир размазан по стенам, ванной, унитазу и столам химическим раствором. Две спальни. Марк хотел с Женей, хотел с Сашей, а подселился Луч.

Активной программе Марк сопротивлялся, как мог: раз увильнуть от поездки не получилось, он решил большую часть проспять, наплевав на планы друзей.

Зашел в комнату, увидел соседа, закатил глаза, поставил сумку и лег. Если на минуту забыть, что постель засалена, с пролежинами, уткнуться, как в поезде, лицом в куртку, можно даже уснуть. Главное – справиться за три минуты, пока терпение еще не взорвалось.

– Ты серьезно спать собрался? – Луч раскладывал в тумбочке вещи, которых было не так много, как у той же Жени, дернул рюкзак на спине Марка. – Тебе помочь?

– Отвали от меня. Я не выспался.

Луч больше не спрашивал – бесполезно. Помощь предлагать – тоже. В коридоре ворчала Женька голосом, до боли похожим на Леркин, Марк закрывал голову капюшоном, утыкаясь носом в расстеленную поверх кровати куртку.

– Мальчики, вы через сколько будете собраны? – Женя просунула голову в щель между дверью и косяком, не постучавшись. – Он, что ли, спит?

Луч кивнул, вздохнув. Он давно уже разобрал вещи, попытался стянуть со спины Марка рюкзак, чтобы тому лицом в кровать хотя бы дышалось полегче, но Марк успешно его послал, не проснувшись. В рот он имел сейчас всех, кто пытался поднять его. Даже когда выспится.

– Ну и что делать? Буди его!

Женя была бы в бешенстве, если бы была Лерой. Та бы уже точно истерику закатила, потому что уже успела накраситься, а Марк спит. Но Женя не Лера, а Леры нет.

– Не надо будить. Не пойдет.

– Да он и так не пойдет, будет спящего всю неделю изображать. – Сашка заглянул в комнату, вслед за сестрой. – Буди его.

– Давайте вы сейчас пойдете, по магазинам пошляетесь, бар найдете, а мы подгоним, как он проснется? – Луч поправил подушку под головой, устраиваясь удобнее. Ему и самому вставать было не очень охота, поэтому отмазываться он начал за двоих.

– Тебе бы в яслях работать, а не с Марком возиться. Там хреново, но хотя бы платят. – Женя зарылась рукой в волосы и кивнула, соглашаясь то ли с Лучом, то ли с собой. Саша только пожал плечами и пошел обуваться.

– Марк хотя бы под себя не ходит, – Луч заржал, снова откинувшись и едва не зацепив головой металлические прутья в изголовье. Кровати и правда как из яслей.

– Это ненадолго.

Просыпаться Марк отказывался принципиально. Но спустя восемь часов Луч спрашивать его перестал. Женя и Саша обрывали телефон, сначала криками, затем угрожали начать пить без них, потом уйти в другой бар, так и не показав им первый «самый лучший», а потом они напились. Луч завидовал, а Марк спал. Уговоры не помогали, крики Жени по телефону – тоже. Луч и сам не понял, откуда у него столько силы, но кровать, на которой спал Марк, перевернул без особого труда, подцепив с одной стороны и просто поставив ее набок.

– Ты совсем, сука, головой поехал? – Марк подскочил, ударившись головой о пол, прогнувшись в спине от так и не снятого рюкзака, и сел, осоловело уставившись на Лучевого. – У тебя хотя бы остатки мозгов в колокольне есть, придурок?

– Вставай, собирайся. Ты выспался. – Луч спокойно сел на свою кровать, натягивая кеды. Марк закрыл лицо руками, мысленно считая до десяти. Так Лера учила разговаривать с Лучом: послушал его – посчитал до десяти, возможно, пятнадцати, – ответил.

– Я не хочу никуда идти. – Он выдохнул, еле поднимаясь с пола: все тело затекло.

– А я хочу пить. В Питере. Улавливаешь?

Этот спор Марк проиграл.

Бар на Фонтанке посреди «Лофта» людьми был забит под завязку, но столики при этом пустовали. Только те, что стояли ближе к бару, служили подставками для липких пустых шотов. Музыка долбила по мозгам вместе с топающей толпой, прыгающей будто не по полу, а по голове Марка.

Вставать после семи вечера тяжело – в голову будто залили свинца, а в глаза – молоко; все вокруг тяжело, мутно и больно.

– Что ты здесь собрался пить? – Марк сел на подоконник у открытого окна, не опираясь об откосы, – за спиной высота второго этажа, и люди как спасательный батут: начнешь падать – подхватят. На него то и дело наваливались какие-то неясные подмунтневшие девчонки, высматривая кого-то в гурьбе, извинялись, толкая сиськами в плечо. Лера не извинялась.

– Для начала нам надо Женю с Сашей поймать, а потом уже пить. – Луч от телефона не отрывался, говорил себе под нос – Марк его не понимал и нервничал.

Маленькая девочка на большой платформе под села к Марку с двумя стопками в руках, расплескав пятнадцать из сорока по рукам, и протянула один шот ему, чокаясь и залпом выпивая яркую липкую муть.

– Говно день.

И ушла.

Луч ржал. Как конь в стойле, заливался, заикался, поглядывая в телефон, похлопал по плечу.

– Пей первую бесплатную. Настолько чмошник, что уже девчонки угощают.

– Я бы сказала – настолько неотразим. – Женя подскочила, обьявившись, и села на место девушки. – Выспался?

Марк отвечать не стал – глотнул оставшиеся двадцать пять от безысходности. Пить в Питере было гадко и неправильно.

– Где Сашка? – Луч улыбнулся, опершись плечом на Марка.

– Пошел за настойками. Сказал, что возьмет на всех.

Телефон Луча зазвенел – не слышно из-за шума, – замигал, он ответил и ломанулся сквозь людей в сторону бара. Возвращался он с двумя дощечками в руках, на каждой по семь стопочек разного цвета, лавировал за ним Сашка, стараясь не расплескать настойки на своих дощечках. Женя подвинулась, освобождая место между ней и Марком для настоек.

Они втроем радостно загалдели, заставили выпить вчетвером по одной за приезд. По второй за Питер. По третьей за «пить» и по четвертой за «запить».

Марк пить не хотел, когда напился. Есть хотелось сильнее, Луч лишь пожимал плечами и заливал еще одну. «Есть надо было, когда спал».

В глазах поплыло давнее, знакомое чувство, даже на губах улыбка появилась, перманентная, рабочая. Рефлекс. И сестра какая-то по-особенному пьяная и смешная: тормозит, теряется и много раз повторяет одно и то же. И всем. Каждому по отдельности. И по два раза. Как обкуренная. Сказать бы об этом Лучу и Сашке, но только Луч в черном списке, пока не расскажет про Лерку. А Саше все равно.

Да и Женьке наверняка скучно в «мужской компании», ей бы сюда Лерку.

– Жень, ты скучаешь? – Марк поставил локоть на колено, подбородок – на ладонь, прилипнув к самой вкусной разлитой гранатовой настойке, и посмотрел прямо на сестру, игнорируя Сашу и Луча по бокам.

– Не-а, не скучаю, Марк. – Женя улыбнулась. Легко откинула волосы со лба и растянула губы еще шире, веселее.

Марк завис. Он уже придумал, как будет плакаться сестре и скучать вместе с ней, но, получается, единственный человек, который мог бы поддержать его тоску, не чувствует того же.

– Пей, Марк, последняя твоя осталась. И пойдем. – Луч хлопнул его по плечу.

* * *

Лера ему уже надоела тогда. Они только приехали, встречались едва ли год, но уже поехали отмечать «юбилей». Каждый месяц вместе считался достижением. Они только закончили школу, подали документы в Москву и в Питер и остались там на несколько дней – насколько хватит родительских денег «на дорогу».

Лера очень хотела на какой-то фестиваль под открытым небом. Солнце пекло и жарилось, Лера бегала в туалет, чтобы снять колготки. Потом – лифчик. Только в третий раз она ходила в туалет, чтобы пописать. Марк терпел. Его жарило не только под майкой, но и голые плечи, предплечья. Про русскую баню в штанах и трусах говорить было нечего. Холодный ветер трепал только обожженную кожу на лице; Лера тогда любила всякую неформальную ерунду, гаражные группы, подпольные клубы, которые черт знает как находила. Таскала туда за собой раньше всю компанию, половину класса, а теперь только Марка.

Она рвалась к сцене, пока он лежал на траве и сторожил их вещи. Он достал тетрадь из рюкзака, чтобы потренироваться в упражнениях для вступительных экзаменов.

Почему-то хотелось не решать, а писать. И хотелось только про Леру. Как она его бесит, как надоели ее истерики и постоянные пьянки. Как он любит ее, ее смех и толстые ляжки. Но это не шло, слов не хватало.

Рядом упал прыщавый пацан. Раскидал свои вещи и свалился прямо на них. Писать захотелось сильнее, слов больше не стало.

– Тут же не занято? – он повернулся к Марку, спросил. Кивнул сам себе, протянул руку. – Меня Кирилл зовут.

Марк руку пожал, затормозил, назвал.

– А ты че не у сцены тусуешь? Не твоя группа? На кого пришел?

– Девушку привел.

– А она где?

– У сцены тусует.

Кирилл понятливо а-а-акнул. Марк понял, что ни писать, ни решать не получится. Закрыв тетрадь, засунул ручку в кольцо пружины, убрал в рюкзак Лерки. Заметил презервативы, улыбнулся.

– А ты че не с ней?

– Не моя группа.

– А когда твоя?

Марк пожал плечами. Спросил:

– А твоя когда?

– Не знаю, я сюда случайно попал. Мимо проходил, увидел ограды, шум поймал, захотел посмотреть. Смотрю. Ты чет пишешь?

– Нет.

Разговор не клеился. Кирилл не переживал, Марку было наплевать. Прибежала Лера.

– Зай, нас позвали на вписку сегодня, там типа квартирник местный, гитара, алкашка.

Пойдем?

– Кто? – Марк раздраженно завозился.

– Да ребята, я с ними у сцены познакомилась. Пойдем?

– Пойдем, – Кирилл встрял, разувывавшись Лере. – Я Кирилл, развлекаю Марка, пока он тут.

– Привет, Кирилл. – Лера хлопнула его по «пятерке». – Ты с ними?

– Не знаю, но да, – Кирилл заржал, заикаясь. – Пойдем, покажи, с кем я. – Повернулся к Марку, бросил: – Посторожи.

Они ушли, оставив на Марка еще один рюкзак. Вернулись с толпой, когда солнце уже садилось и прожарка стала «су-вид». Собрались быстро и пошли на квартирник. Полночи пили, под утро домой пошли пешком, дождавшись, когда мосты сведут.

– Вы, короче, в Москву поступаете? – Луч остановился у подъезда хостела, закурил.

Лера прикурила у него. Пошаталась, агакнула, затянулась.

– Я, короче, тоже. К бате перееду, там устроюсь. Затусим еще?

– Давай. «ВК» меня найди.

Марка тоже нашли. Лера потом не раз путалась и присылала «зайчиков», «котиков» и «моя киска жаждет вписки» Кириллу Маяку, вместо Марка Кирюшина.

* * *

Старая компания приняла их как родных. Тот же портвейн, то же пиво, только дороже и «легальное», ведь восемнадцать есть всем. Что-то было и нелегальное, Марк пропустил, а Саша заметил, ходил веселый и тупой, как никогда. Как всегда. Луч ржал, давно не видел их – питерских, – еще с прошлого лета, а Марк как будто вечность назад. И никто не знает про Леру, никто не спрашивал, где она, почему не приехала.

Даша в новом баре заприметила свободное место возле «столичной зануды» – Марк пил и не веселился, непорядок. Даша вроде и не была тогда на фестивале, была только на квартирнике. И, видимо, она одна пропустила общий заговор, не спросила первое правило «квартирного клуба»:

– А ты чего молчишь, как будто не со всеми?

Она так старательно произносила все слова правильно, что сразу становилось ясно – пьяная, еще чуть-чуть, и в слюни.

– Я со всеми, просто скучно.

– Ты столько выпил! Какое «скучно»?

– Да вот... – Он отпил от шота. Невкусно, в «Голицыне» было лучше.

– Скучаешь? Я слышала, что с Леркой... – Она сочувствующе погладила его по плечу, привалилась на него, полуобнимая.

– Зато я не знаю, что... – Он почувствовал ниточку, захотел словить ее. Оглянулся. Луч сидел далеко, не опасно.

– В смысле не знаешь? Она же это... – Даша запнулась, схватилась за кружку с пивом, но не выпила. – Умерла.

– Я знаю, – Марк кивнул, чувствуя, что бар немного кружится. Даша выпила, засветилась непонятно.

– Ну вот... Ты сейчас это... как? – она ему кивнула, мол, «ну, то самое, ты же понимаешь». Он не понял.

Саша рядом заржал, начал маршировать сидя.

–левой!левой! Раз-два!левой!правой!

Женя возле него захихикала. Даша засмушалась, сжав рукой футболку Марка. Марк понял.

– Скучаешь?

Он кивнул. По крайней мере, качнулось все так, что показалось – кивнул.

Потом квартирник был такой же, но не там же. Здесь были мансардные окна во двор, через которые все группками вылезали на крышу «покурить свежачок» и «переговорить». А курили прям внутри, глаза немного от дыма резало, но гитарные песни смягчали резь. Женя орала на всю, объясняла, почему не пошла в консерваторию, которой в Твери попросту и не было. Саша не был уверен, что он еще со всеми, а все не были уверены, что они с Сашей. Луч ржал. Играл на пустых бутылках, в бутылки, с бутылками. Кидался чипсами в Дашку, ржал над этим и предлагал ей выпить. Даша понемногу трезвела, звала на крышу. Марк пошел.

Ветер был препротивный, пронизывающий, окутывающий. Он отдал Даше свою куртку. Джентльмен. Дже-е-ентльмен. Она так смешно произносила это слово, так морщилась, что становилось ясно – не совсем еще трезва.

– У тебя последний курс, да? – Она отпила воды из бутылочки для сока. Когда закончился «протрезвляющий» сок, налила туда воды из крана. Не хотела быть «не в себе».

– Почти. Переведут официально, когда досдам долги. – Марк сел подальше от края, чтобы отогнать мысли о «Титанике».

– Я вот закончила. Получила диплом-мать-его-экономиста. Черт знает, что с ним делать. Наверное, в Москву поеду.

– Выгодно. – Он приподнял свою бутылку неводы, поднес к воде Даши, стукнулся о нее и отпил. На небе звезд даже не было. Вроде лето, тепло – а кругом тучи, и кое-где луна проблискивает. Внизу шум и гогот, внутри – то же. И слышно, черт бы его побрал, только Луча – ржет и не останавливается.

А разговор склеился – работаешь? Платят? Круто. А живешь где? А как учеба? Вот и я так хочу. Поможешь? Я приеду осенью-зимой. Одна не хочу. Страшно. Страшно. Я же питерская, вдруг москвичи не примут? Может, магистратура? Да ну к черту ее, эту экономику. Дорого. Неэкономично. Как это – у тебя? А Луч? Точно не против? Я съеду, при первой же возможности съеду. Блин, странно так... с парнем жить. А ты приставать не будешь? Ладно, и я не буду.

Или буду.

Она не полезла первой, как Лера. Ждала, намекала целый вечер, была рядом – и вот. Марк притянул ее за свою куртку, поцеловал сначала волосы – мягкие, легкие, прямыепрямые, не как у Леры – кудрявые и пушистые. Зато такие же – каштановые, но с какой-то медью, рыжиной внутри – даже под луной видно. А Даша еще так засмеялась – легко, заигрывающе – не как Луч внутри. Такая костлявая под курткой и приятная. Даже холодная и промерзшая – теплая.

Холодными руками дальше плоского живота и поясницы под кофтой забраться не дала – ни тебе мягких боков, ни валика живота над ремнем брюк. Непривычно. Грудь, наверное, тоже нет – не разобрать под широким свитером. А еще «лето» называется.

– Маркуша. Марковский. Мартик, – Луч орал, вылезая в окно. Увидел Марка с Дашей – сразу заржал, грохнулся рядом так, что, наверное, внутри штукатурка посыпалась. Забрал у Марка бутылку, отпил, лег. – А я тебя потерял, думал, что ты опять Лерку ищешь. А ты вот. Нашел.

– Да пошел ты. – Марк махнул рукой, прижав к себе холодной рукой Дашу. Она посмеялась и стала выбираться/подниматься. Куртку отдала, не забрала с собой как трофей. Получила, что хотела, теперь могла и напиться.

– Звезды ищешь? – Луч кивнул ему, отвечая сам себе. – Не тут искать надо, я тебя отвезу – где надо.

– Я не хочу никуда ехать ни за какими звездами. – Марк еле попал рукой в рукав куртки, сначала по-дебильному растопырив пальцы, но под ржач Лучевого сложил их лодочкой и нырнул. Луч почти заикнулся про фистинг, но заткнулся.

– Тебя никто и не спрашивает, ты как багаж путешествуешь.

– Дешево и без комфорта?

– Куда повезут, туда и поедешь.

Марк промолчал. Если раньше не хотелось ехать, идти, пить, то теперь и спорить не хотелось – Луч привязался и не отвяжется, притащил брата с сестрой в поддержку. Марк даже не помнил, когда они родились, – сначала мама ходила толстая, просила не прыгать на ней и перестала брать на руки. А потом, как в туалете бара, черный квадрат-цензура, и вот у нее руки уже заняты Женей и Сашей. Вообще, сначала Сашу звали Женей, а Женю – Сашей, но папа каким-то образом умудрялся их путать, когда они были одеты. Мама орала, Марк не понимал – кто мальчик, а кто девочка. А потом приросло, мама сама перестала разделять детей на Сашу и Женю, только Марка отличала от Сажени. И они – раз, поменяли имена. Наверное, на них смотрели как на идиотов.

Разница в три года сначала казалась пропастью, а к восемнадцати и двадцати одному годам превратилась в «братскую дружбу». Как только Марк оказывался в радиусе поражения брата с сестрой, тут же оказывался с ног до головы в СаЖе – это если фигурально. Марка эти двое любили. А Леру не любили, как оказалось.

* * *

Даша сообщениями не надоедала. Нашла его «ВК» через Луча, добавила в друзья, улыбнулась парой скобочек и спросила про самочувствие. Формальности Марк не любил, поэтому и знакомился с кем-то редко. Старался побыстрее опустить, как конфетно-букетный, приветно-какделашный период. С Дашей они так резво перескочили и второй, и первый, что Марк не совсем понимал, какой настал сейчас. Последний «да было дело, пару раз случайно, ничего такого» или начальный «давай сделаем вид, что так и надо, и продолжим»? Но «пару раз случайно» не было, поэтому Марк подозревал второй вариант.

Луч привез их в поле. Вообще, к недалесу возле реки, но через поле. Компания не питерская, а околomosковская. Палатки, ящики стекла, костер из шашлыка и куча купальников.

И утром в поле было лучше, чем в Питере ночью. Реабилитационные курсы затягивались, друзья будто задались целью прокатить Марка по всей стране, заново познакомить его со всеми, кого он знал с Лерой. Только теперь без Леры.

И если Питер закончился двухдневным походом после нежных облизываний, то вечерняя попойка – незапланированным сексом. Он не был пьян, когда целовал ее, подругу Леры. Или не подругу, а знакомую. Он не был уверен, общались ли они вообще когда-то. Когда, уставший и заботливо уложенный спать, он проснулся от своих приставаний к Оле, то не понял, когда начал, но останавливаться не захотел.

Когда он вышел отлить и попить после, то сигареты найти не смог, а Луч его перехватил у начала тропинки, ведущей «в кусты». Он, наверное, жалел и, наверное, это было заметно; наверное, поэтому Луч взял его с собой в поле. Точнее, в магазин, до которого они так и не дошли, застряв в ячмене где-то на полпути. Марк понимал, что за здоровье мозгов уже можно

начинать переживать. Потому что он не просто скучал, он тосковал, а еще чувствовал себя скотиной за то, что дважды изменил девушке, которой нет. Ни у него, ни вообще.

Саша и Женя идти в поле не захотели, обозвали идиотами и легли спать. Женька только пообещала, что, «если что», она пойдет искать их с утра.

Марк ныл. Чувствовал себя не на своем месте, хотел вернуться в лагерь и уйти в город одновременно. К людям, чтобы не видеть людей. Хотя бы пешком. До Москвы.

Луч терпел. Он вообще по приезде в Питер стал терпеливее, по крайней мере, старался больше молчать.

Половину дороги, например.

Марк свернул с тропинки, сминая ногами траву и цветы, дошел до небольшого куста возле огромной коряги и спустил шорты.

– Ты что-то ссать часто ходишь. – Луч фыркнул, носком тапка поковыряв землю.

– Ты сколько высосал?

– Не твое дело. Ты меня зачем туда положил? – Марк хлюпнул носом. Подумал, как его утереть, если руками он только что трогал нелицо? Попытался дотянуться плечом в футболке, но только растер все по лицу.

– Ты дурак? – Луч заржал, схватил Марка за подол футболки и задрал ее к лицу. – Сморкайся, сопливец.

– Да пошел ты. – Марк дернул плечом и попробовал пнуть Луча, вырвался.

– Не понравилась Оленька? – Луч подмигнул. – Вот ей понравилось – все слышали.

– Пиздец.

Поднять настроение Марку было трудно. Он даже трезвый не реагировал почти ни на какие шутки, а те, на которые реагировал, его злили.

Луч не узнавал друга, с которым они раньше постоянно лепили над всем, что видели.

Небо медленно светлело над полем. Ярко-оранжевая полоса постепенно росла вдаль, цепляя облака, лицо Марка справа задевали редкие лучи. Волосы отросли, лохматились и лезли ему в лицо.

– Ты надо мной че, издеваешься? Хочешь сказать, магазин за полем? – Марк снова заныл. Когда ему чего-то не хотелось, с ним не то что говорить, находиться невозможно было. Только после смерти Лерки. До этого он был легче. Только после смерти Лерки, правда, он ничего и не хочет.

– Ты предлагаешь мне одному сбежать тебе за сижками? Оборзел в конец? – Луч снова рассмеялся. Два дурака: один вечно ноет, второй постоянно ржет.

Луч заскучал. Он устроил соревнование по спортивной ходьбе под музыку. А Марк убежал. Ушел далеко вперед и скрылся в поле без единого дерева.

Луч, наверное, хотел бы испугаться, но не мог. Мог бы услышать шорох травы, если бы выключил музыку, но не хотел. Желто-оранжевое небо низко висело над головой, а чистый воздух пробивал легкие, косил глаза и отключал мозги.

Тропинка была одна. А травы по колено – поле. Марк бежал-бежал, забыв, что должен идти. Бежал и просто упал, поскользнувшись на сырой от росы траве. Лег и лежал, слушая музыку вдаль. Небо серо-оранжевое упало и придавило сверху, а Луч даже не звал. Только потом, когда нашел, внимательно посмотрел.

Футболка задралась, шорты перекрутились, один тапок остался еще на тропинке, носком указывая, куда побежал Марк.

– Лерка была из тех девушек, которые молчат, чтобы казаться умнее, а на самом деле просто не могут придумать, что ответить, потому что в голове пусто. – Марк сглотнул.

Говорил он сдавленно, через нос. Луч его нашел, лег рядом и посмотрел туда же, куда и он – на ярко-оранжевый мачете, разрезающий синее небо.

– Может, ты зря не делаешь так же?

Марк даже спорить не стал, замолчал. Сопли грозили начать стекать по щекам, как слезы, глаза щипало.

– Слишком красиво страдаешь. Завязывай.

Луч бросил это через плечо, поднявшись. Пошел к тропинке, а горло как передавило – ни заплакать, ни вдохнуть.

– Ты сказал, что здесь звезды.

– Пока все смотрели на звезды, ты свои по палатке разбрызгивал. Завтра посмотришь, если опять не проебешь ночь.

– Твоими стараниями, – Марк схватил за подставленную руку вернувшегося Луча, поднялся. Поправил шорты. Луч кинул к ногам тапок.

Поле пахло травой, росой и непокошенным хлебом. А хотелось, чтобы ненавистными розами. Розовые духи Лерки просто душили, были не по возрасту тяжелыми и терпкими, но шли ей и в пятнадцать, и в двадцать.

Часть 84

Женя и Саша по возвращении уезжать сразу не планировали, еще несколько дней они решили провести в Москве. Остались бы дольше, но денег не хватало.

Марк решил, что он ушел с работы. Осталось сказать об этом менеджеру, написать заявление, получить расчет и как-то отмазаться от двухнедельной отработки.

– Какой отпуск предоставляют понесшим утрату? – Марк согнул ногу, поставив ее на стул, на котором сидел, устроил подбородок на колене, мешая чайным пакетиком горячую воду, чтобы она покоришневала быстрее.

– Никакой. – Луч фыркнул, переворачивая на сковороде кусок ветчины. – У тебя сейчас, если что, больничный. А она тебе даже не близкий родственник.

Женя и Саша сидели молча, листая в телефоне список клубов и баров, выбирая планы на вечер.

Марк присоединяться не планировал, но на него и не рассчитывали. Мероприятие «растормошить» закончилось и, по мнению организаторов, успешно.

Только Луч стал дерганым.

Только Луч стал странным.

Он был везде: предлагал новую работу, где мог договориться через знакомых, советовал, как разгрести долги по учебе, как жить в одиночестве и не быть одиноким. Лучевой философ.

Он покупал и готовил невкусную еду, когда Марк не хотел выходить из дома. Он ничего не просил и только давал. Был идеальным лучшим другом, но смотрел очень странно.

Женя с Сашей его даже полюбили: за взбалмошность, за вечные авантюры, за дебильный непрекра-заикающийся смех. О Лере забыли все, даже Марк начал понемногу.

Когда Саша и Женя ушли, Луч развалился в его комнате, греясь под закатным солнышком у окна. Он упал в кресло с высоты своего роста, немного отъехав на нем назад.

Снова посмотрел странно и спросил:

– Марк, ты же знаешь, что все хорошо?

– Правда, что ли? – Марк в комнату только зашел, но так и остановился, переступив порог. Брови он поднял невысоко и незаметно, губы не сжал, но челюсть сомкнул. Злость в лучшем проявлении.

– А разве нет? Ты уже которую неделю прокрастинируешь, гоняешь по стране, живешь в центре столицы, не платишь даже гроши, которые по уговору должен. – Луч начал загибать пальцы. – Тебя не выгнали из института, хотя должны были. Я звонил, уточнял. Тебя не погнали с работы. Пока. Но уже давно должны были. – Луч улыбнулся. – Ты даже не переживаешь, как достать себе еду.

Марк прошел в комнату. Сначала подошел к Лучу, потом передумал и дошел до кровати. Сел. Впервые за долгое время посмотрел прямо, на лицо, не в силах смотреть одновременно в оба глаза и перебегая от одного к другому.

– Спасибо. Ты хотел, чтобы я это сказал? – Он запнулся, нахмурился, помолчал недолго. – Хотя какая разница, что ты хочешь? Я на самом деле благодарен тебе. Ты прав, я прокрастинирующее чмо, ты меня поддерживаешь. Только я тебя об этом не просил.

Луч не заржал. Улыбнулся, даже не открывая рта, запрятав зубы. Удивительно.

– Ты неблагодарный урод, ты в курсе? – Он повел плечами. – Тебе не дают окунуться в дерьмо, а ты говоришь: «Спасибо, но идите на хуй, вас не просили».

Марк улыбнулся, Луч улыбку спрятал, сжал губы, прищурил глаза. Напрягся.

– Ты вот сейчас об этом заговорил. И я подумал. А зачем ты все это делаешь, если тебя не просили? В чем смысл, если ты даже благодарности, которую ждешь и, что уж, заслуживаешь,

не получаешь? – Марк потер ладони, в комнате стало холодно, несмотря на солнце на улице. – В чем смысл, Луч?

Телефон завибрировал. Снова Даша. Марк отвлекся – унылое лицо Луча было не таким интересным, как первое сердечко от Даши. Желтое. И, несмотря на то, что Марк не любит желтый, приятное.

Луч молчал. Марк поднял на него взгляд.

– Не отвечай. Не надо.

Луч открыл рот, закрыл.

Марк прочитал на его рыбьем лице: «Ты понял?» – и сразу же ответил на этот немой вопрос:

– Нет.

* * *

Лера не была плохой настолько, чтобы теперь называть ее «Она» вместо имени. Марка, по правде, она любила только первые года два и немного последний. Кирилл оказался намного интереснее унылого Кирюшина. И если сначала он вроде и не отвечал взаимностью, то потом как-то так получилось, что на первом курсе они гуляли все вместе, к его концу – вдвоем. «Как-то так получилось». Марк стал снимать у Кирилла квартиру, а Лера осталась в общежитии. Кирилл переехал к отцу, подумав и решив, что деньги за аренду ему нужнее, чем отдельная жилплощадь.

Кирилл стал другом для всех, но по отдельности. Лучом он тоже стал не сразу. Почти.

Идеальные отношения с Марком перестали казаться такими после знакомства с Лучом. Если Марк соглашался на любую авантюру только из любви к ней, а потом страдал от этого, то Луч сам был сплошной авантюрой. Марк как-то сказал, что чувствует себя рядом с ним муравьем под лупой.

Лера страдала. То ли от того, что с Кириллом было приятнее, то ли просто искала способ уйти от рутины, в которую ее погружал Марк.

В Твери на каникулах после зимней сессии на втором курсе она решила сказать об этом Жене.

Женя казалась подругой, которая сможет понять, отбросив братскую солидарность. Женя поняла, но обиду за брата не затаить не смогла. – И что ты собираешься делать? – Она помешала латте трубочкой, разбивая кривое сердечко на пенке. Отпила.

Подняла взгляд на Леру, которую передернуло от него – точь-в-точь, как у Марка.

– Не знаю. Чувствую себя сукой. – Она поежилась. То ли стало неприятно от себя, то ли вытяжка в кафе работала слишком сильно.

– Скажи Лучу. – Женя повела плечом. Все-таки вытяжка.

– Я думала, Марку.

– Зачем? Если Луч тебя пошлет, то либо проблема исчезнет, либо ты поймешь, что проблема была не в нем.

– А если не пошлет? – Лера достала шарф из рукава куртки, накинула его на плечи. Руки дрожали мелко, едва заметно.

– Проблемы нужно решать по мере поступления, Лер. – Женя вздохнула, откинувшись на спинку стула. – Не могу сказать, что ты не сука, потому что Марк – мой брат. Но понять могу. Такое бывает. Да и Марк, на самом деле, не самый интересный человек. Но он преданный.

– Я знаю. Поэтому и тошно.

– Хорошо, что ты думаешь о нем. Типа не такая, что «я хочу, а ты там сам справишься». Это делает тебя сукой чуть-чуть поменьше.

– Ну спасибо. Поддержала.

– Обращайся. Только на Сашку даже не смотри.

Они посмеялись. Полуистерически, но вместе.

С Лучом получилось просто. Она еще долго думала, приглядывалась, взвешивала, а весной, почти летом, на каком-то андерграундном концерте она, взмокшая и ароматная, обняла его, а он, в прилипшей к торсу майке и волосами, склеившимися во влажные сосульки, ее поцеловал. Мокро, слюняво, с заикающимся ржачем рот в рот.

Если это можно было назвать отношениями, то они были идеальными.

С Марком было все сложнее.

Лера отдалялась, а Луч все сильнее сближался с ним. Был то с ней, то с ним, редко – вместе. Говорил о нем больше, чем она.

Лера устроилась на подработку, чтобы снимать комнату. Общежитие надоело, к Марку – не вариант, еле отмазалась. Уходила в себя, в учебу, в работу и в Луча, реже – в Марка.

На третьем курсе, почти год спустя, она решила поговорить с Лучом.

– Луч, я хочу рассказать Марку. Хватит уже.

Они сидели в его комнате, у отца в квартире, пока тот был на работе. К Лере домой Луч приходил редко. Ее тошнило уже несколько дней подряд – кусок в горло не лез. Она думала – нервы. Думала – пора, нельзя сидеть на двух стульях сразу. Даже волосы стали выпадать сильнее, засоряя слив в ванной.

– Надоело скакать на двух хуях? – Луч хмыкнул, даже не подняв взгляд с телефона. Переписывался. С Марком.

– Прекрати. Хуевые шутки сейчас не в тему.

– Ну а что? Спустя почти год ты решила, что самое время порвать с бывшим. Ну, молодец.

Лера напряглась, приосанилась и прищурилась.

– Договори.

– Что договорить? – Луч поднял глаза от телефона, заблокировал его. Растянулся на кровати, на которой они сидели. Сегодня он не получил то, для чего она обычно приходила, ерзал. Даже очки снял. – Куда ты собралась уходить?

– В смысле? – она истерично хохотнула. Подумала – издевается. Проверяет. – К тебе. Я скачу только на двух хуях, если ты об этом.

Луч посмотрел на нее. Она только сейчас заметила, что у него глаза серые, а не зеленые, как у Марка. Он улыбнулся, медленно, по-чеширски.

– А с чего ты взяла, что ты мне нужна? – Он так выделил это «ты», что ее затрясло.

Сглотнула вязкую липкую слюну. Встала. Не знала, что схватить первым – сумку, чтобы уйти, или лампу, чтобы врезать ею. Собралась быстро, Луч молчал. В коридоре дружелюбно передал забытый в комнате шарфик.

– Пидорас несчастный, – выплюнула со злостью. Глаза от обиды слезились, болели невыносимо.

– И я рад был встрече. – Луч улыбался.

Она долго не могла решиться на разговор.

Марк писал, звал к себе, говорил, что скучает, – она отвечала, но как будто заставляя себя. Не могла сказать, что не скучает, но что скучает – тоже. Луч постоянно был с ним, передавал приветы по телефону и через сообщения Марка. Лера сидела целыми днями дома.

Она передыхала на кухне, не ела, не пила из-за тошноты. Но ей становилось легче, когда она листала старые фотографии с Марком. Фотографии Луча она удалила в первый же день. Не жалела, не боялась. Думала. Марку говорить об этих побочных отношениях стало не нужно. Только заставить себя вернуться к нему после предательства было почти невозможно.

Она не понимала. Что ей не нравилось в нем? Их отношения снова показались идеальными. Он любил ее и не стеснялся это показывать, он был предан, не искал идеальности в ком-то другом. Зачем она искала?

Она бы хотела поговорить с Женей, но та после первых недель умалчивания об отношениях с Лучом разговаривать с ней больше не хотела. Не говоря о том, что Лера молчала почти целый год. Брата Женя любила больше, чем ее. Лера винила себя.

Он позвонил.

– Лер, ты как?

– Нормально, Маркуш. Уборку делаю, полку повесить хочу. – Она затушила сигарету, еле примостившись на узком подоконнике на кухне.

– Приехать? Я могу помочь. – Его было плохо слышно, на фоне что-то шумело. Вода?

– Не надо. Я сама, ладно? – Она потерла уставшие глаза, засмотревшись на ярко-оранжевый фонарь за окном. Потянулась и закрыла форточку. Апрель на улице не позволял сидеть в застуженной комнате слишком долго.

– Сама приедешь? – Вода шуметь перестала, послышался звон посуды. – Луч уехал, еле выпроводил. Приезжай сейчас.

– Приеду.

Он встретил ее у двери, хотя у нее были ключи. Обнял, поцеловал почти в щеку – в уголок обветренных губ. Она не отвернулась, как делала последние несколько месяцев.

Сняла пуховик, шапку с сухих и ломких волос, еле стянула обувь.

Марк сказал, что неважно себя чувствует на самом деле – голос ослаб, температура. Сказал, что рад, что она приехала.

Лера улыбнулась, захотела обнять, но побоялась.

– Как полка? – Он посадил ее на кухне, поставил чайник закипать, попытался найти что-то сладкое, но после Луча это было невозможно. – Я сессию почти закрыл, отчет по практике пришлось покупать.

– Ты молодец. Я тоже. – Она посмотрела на кружку, которую он поставил возле нее. Марк знал, что она любит большие кружки, а Лучу постоянно приходилось напоминать.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Он посмотрел на нее прямо. Она снова подумала, что глаза у него зеленые. Красивые-красивые.

– Не хочу, Марк.

Она вздохнула. Он тоже. Посмотрел на нее внимательно, пожевал губы.

– Ты как-то неважно выглядишь. Витамины не пьешь? Или на диету села? – Он улыбнулся. Сел на стул рядом. Дотронулся коленом до ее коленки.

– Да пью. Не знаю. Не лезет ничего. Не хочу чай, извини. – Она посмотрела вниз на их колени.

– Пойдем в комнату тогда. – Он поднялся, подал ей руку. – Оставь кружку, я сам потом уберу.

Чертов джентльмен.

В комнате посадил ее на диван, предложил снять свитер, остаться в майке. Она послушалась – у него было тепло, не как в ее комнате, которую она постоянно проветривала.

– Ты совсем не ешь, что ли? – Он взял ее свитер, сложил и положил на кресло-мешок. Сел рядом, подумал и обнял совсем неудобно, сбоку, прижал к себе. Соскучился. Она тоже.

Она промолчала. Не знала, что сказать и что нужно.

Он тоже.

Уложил ее на кровать, навис сверху и целовал, ждал ответа, дождался и пошел дальше. Майку и джинсы складывать уже не стал. А потом укрыв ее своим одеялом и прижал к себе.

Их отношения налаживались понемногу, быстрее, чем она думала. В одну из частых последних встреч Марк случайно заразил ее начинающейся ангиной, добавив к ее списку заболеваний еще одно.

Лера болела.

Марк узнал о том, что она заболела, раньше, чем о том, что изменяет.

* * *

Он поехал в Тверь следом за Женей и Сашей, «уладил» вопросы с работой, стал безработным и с чистой совестью сел на электричку, не предупредив Луча. С работой получилось почти некрасиво, но спрашивать его о принятом решении не стали – догадывались, что ему просто нужно было что-то поменять. На всякий случай он с собой взял даже куртку Леры, чтобы найти повод, хотя делал это скрепя сердце, но из всего, что осталось в квартире после нее, куртка была самой громоздкой и бесполезной вещью. Саша и Женя его идею не одобрили изначально.

Они косились на него, когда на вокзале он сказал, что домой приедет попозже, сначала нужно поехать «по делам» с зимней курткой в середине лета. Когда такси вызывал, даже завис на секунду, пытаясь вспомнить адрес, зато код от домофона ввел на автомате, а поднявшись на третий этаж, пожалел об этом. Наверное, стоило позвонить. Но в дверь лучше постучать.

– Кто? – Спросила мама Леры за дверью. Она наверняка посмотрела в глазок. – Я, тетя Лен. Марк.

За дверью помолчали с минуту, затем защелка подвинулась и дверь открылась. – Зачем пришел? – Приехал, тетя Лен, привез куртку Леры.

Она забрала пакет, прижала к себе, посмотрела на него внимательно. Лера так на Марка не смотрела, даже когда сильно злилась. – Тетя Лен...

– Пошел вон. – Она потянула на себя дверь, в которую Марк машинально хотел вцепиться, но вовремя отдернул пальцы, чтобы она не захлопнулась с ними. Замечательно.

Марк не понял. Не то чтобы он вообще что-то понимал до этого, но сейчас не понял совсем ничего.

Дома мама была его рада видеть, как будто не видела до этого никогда. И даже она не говорила про Леру ни слова: ни вопросов, ни намеков, ни даже сочувственного взгляда. Только если исподтишка. Только учеба, работа, Питер, Луч. Только «соскучилась», «голодный?» и «посуду помой». Рассказала, что на работе бабы – дуры, хорошо, что Женя у нее больше на дурака, чем на дуру, похожа. Только Марк молодец, в маму пошел.

Саша и Женя спрятались от посуды в комнате «для мальчиков», смотрели какую-то дичь на ютубе, ржали по-тихому и прислушивались к маме с Марком.

Марк к ним зашел, плюхнулся на свою кровать. Удобную, стараниями мамы чисто застеленную. У Луча в квартире диван все равно не такой.

– Может быть, кто-нибудь хочет мне что-нибудь объяснить? – Он спросил достаточно громко, чтобы брат с сестрой слышали, но недостаточно, чтобы мама за дверью прислушалась.

– Ты о чем? – Женя подняла взгляд с телефона, Саша нажал на паузу. А потом вообще заблокировал телефон, поняв, что видео они досмотрят точно не сегодня.

– Я же сейчас к Елене Владимировне ездил. Ну, типа куртку привез. А она меня как с говном смешала и на хуй послала.

– И? – Женя прищурилась, но толкнуть Сашу не успела, тот уже ляпнул:

– И че? Она же думает, что это ты виноват, что Лера... ну это, отошла.

Марк поднял брови. Очень выразительно и даже не наигранно. Удивление медленно стекало в плаксивонедоверчивое выражение.

– В смысле?

– Дурак. – Женя брата все-таки лягнула ногой по ноге. Повернулась к Марку и заворковала, как мама: – Не слушай его, ты не виноват. Это она конченная и думает, что ты виноват, а на самом деле все норм. Ну, не норм, но это не ты, так что да. – Она закрыла лицо рукой. – Господи, что я вообще говорю?

– Пиздец, успокойся. – Саша сестру толкнул рукой. – Ну, вообще, да. Женя правду говорит, ты не парься, ты не виноват. Вообще никто не виноват. У нее там и анемия, и еще какая-то хуйня была, маме ее сейчас просто некого винить, а ты такой еще и ангину Лерке притащил – и все, кончилась девочка.

– Ну да, типа свет клином на тебе сошелся, софиты осветили, и она решила, что ты – козел.

Марк моргал. Хмурился, молчал и моргал.

– То есть я не виноват? – Он спросил неуверенно, боясь услышать отрицательный ответ. Женя с Сашей смотрели на него очень внимательно, ждали реакции, а дождавшись, выдохнули мысленно.

– Нет, не виноват.

– А что с анемией? У нее же она всегда была. – Марк продолжал хмуриться, чувствуя, что тело становится ватным. Перенервничал, переволновался, слишком много подозрений закрадось в голову. Очень нехороших подозрений. – В смысле. Она при мне даже таблетки какие-то постоянно пила, капельницы ей всякие ставили.

– Ну да. Ну там какой-то сбой вроде произошел в организме, еще какая-то лажа, железо стало хреново усваиваться. Я как-то не вникал, да никто не вникал на самом деле. – Саша отмахнулся показательно-легкомысленно, хотя ему стало не по себе от того, что это произошло за считанные недели. Никто и понять не успел, за какой срок Лера «кончилась».

– На самом деле, там просто типа одно на другое. – Женя добавила: – С каждым может случиться.

Марк молчал, складывая в голове шестьдесят пять и девятнадцать. Для одного плюс один слишком сложно.

– У меня такое ощущение, что виноват Луч, – он выдал задумчиво, глядя на брата с сестрой по очереди. – В смысле она же после ангины умерла?

– Ну, грубо говоря. – Женя прищурилась.

– А я почему не умер?

– Больной, что ли? – Саша уставился, как и сестра. – Вообще головой ебнулся?

– Марк, у тебя была просто ангина. А у нее целый букет всякой херни. – Женя младшего брата осадила, пихнув локтем в бок, а на старшего посмотрела подозрительно.

– И что значит «виноват Луч»?! – Саша сестру пихнул в ответ. – Отстань! Он вообще уже какую-то дичь несет! Ты сейчас пытаешься сказать, что он виноват в том, что тебя лечил, а ее нет?

– Я не это имел в виду, не ори на меня. – Марк взглянул на Сашу искоса, с липкой неприязнью, так, что Саше вообще расхотелось с ним разговаривать. – Хотя это тоже странно, кстати. – Он щелкнул пальцами и указательным ткнул в сторону сестры, «в точку».

– Он просто ведет себя странно. И от ангины не умирают же. И от анемии тоже, если лечиться. А она лечилась.

– Марк, ты гонишь. Seriously. Ты сейчас пытаешься сказать, что врачи идиоты, в полиции идиоты и вообще все вокруг дебилы, один ты – умный двадцатилетний пиздюк – догадался, что ее убили. – Женя начинала злиться и нервничать, как Луч, когда Марк, болея, спрашивал о Лере.

– А убил ее другой двадцатилетний пиздюк. – Саша сестру поддержал.

– Мне двадцать один.

– Да похер. Ты понял.

– А вам вообще по восемнадцать.

– Марк, вот именно, что нам по восемнадцать и мы понимаем, что это бред. – Женя закрыла лицо руками, потеряв его с силой. Благо макияж стерла, когда домой пришла. – Ты просто ни хрена не знаешь, урвал пару фактов отовсюду, а теперь строишь свои догадки.

– Строят теории. – Саша влез машинально, чтобы поправить, только потом понял, что лучше бы молчал.

– Саш, завали, – Марк попросил тихо. Посмотрел на сестру и спросил уже не так полуслышно: – Жень, может, ты тогда объяснишь, какого хуя он себя так ведет?

Мать за дверью наверняка подслушивала.

– Как так?!

– Да как чмо опущенное! Как будто он, сука, лучший идеальный друг! Как будто он виноват!

– Блять, Марк! Какую же дичь ты несешь! – Женя согнулась пополам, утыкаясь лицом в свои колени, сидя на пятках. Подниматься ей не хотелось то ли от нервов, то ли от стыда. – Конечно, он виноват! И ведет себя так, потому что до этого вел себя как сука последняя. Но, твою мать, то, что ОН сделал, не такая дикая хуйня, как та, в которой ТЫ его обвиняешь.

Женя замолчала. Марк тоже. Саша вдруг понял, что знал даже меньше Марка. У того были какие-то основания для дебильных подозрений, Женя знала что-то другое. А Саша не знал ничего. И был очень даже рад этому.

– Ну. – Марк на Женю смотрел внимательно, поторапливал.

– Что ну? Он встречался с Лерой. Я обещала ей, потом ему, что не расскажу, но, честно, это не так хреново, по сравнению с тем, что ты думаешь. – Она поморщилась. – Они вообще, насколько я знаю, до всего, ну... этого расстались. Луч сказал, что это вообще бред какой-то был, типа ему стыдно пиздец, ну и всякое такое. И тут, короче, ангина твоя, смерть ее, Луч так пересрался, ты бы знал. – Она сделала страшные убедительные глаза. – Мне сказал, что глаз с тебя спускать не будет, типа такого друга терять – тупо, и вообще он раскаивается. Ой, в смысле не раскаивается. – Женя запнулась. – Ну, то есть раскаивается, но я не то хотела сказать. Он, короче, просто боялся, что ты тоже умереть можешь.

– От ангины?

– Ну, Лера же умерла.

Марк дернул бровью вверх, изогнул ее. Изнутри его потряхивало, даже руки начали мелко дрожать от злости. Постепенно накатывал страх.

Луч не виноват. Конечно.

– Понятно.

– Что тебе понятно? – Саша фыркнул, посмотрев на брата в ответ так же липко. Обида на брата была минутной, но достаточной для легкого злорадства.

– Саш, завали.

– Ой, да пошел ты на хуй.

– Жень, какого хуя ты молчала? – Марк посмотрел на Женю в упор, с обидой, но без злости, она вся досталась Саше.

– Марк, ваши личные отношения – не мое дело. Я не понимаю, зачем вообще мне нужно было знать об этом всем. – Она терла холодной рукой горящее лицо. – Если честно, лучше бы не знала.

– Понятно.

Марк встал, вышел из комнаты и не столкнулся у двери с матерью, как ожидал. Она сидела на диване в гостиной и смотрела телевизор на очень тихой громкости, подслушивала все-таки.

– Все хорошо?

– Да, мам. Не парься.

* * *

Отношения с Лучом тоже налаживались. Медленнее, чем рассчитывал Луч, но прогресс намечался. Марк больше не прогонял его, общался почти как раньше, смеялся, разговаривал, отвечал. Выходил из дома и из своей зоны комфорта. Только слушал и смотрел внимательнее, чем раньше. А потом улыбался, как раньше.

В Москву Даша все-таки приехала, но не жить, как планировала тогда на крыше. Просто в Питере ей подвернулась хорошая работа, и жизнь драмой быть резко перестала. Это было уже в конце лета, когда Марк вернулся в Москву, а Саша с Женей остались в Твери. В Москве у Марка остался только Луч. И новая работа. И какая-то хрень с учебой.

Пить в баре после пропитого лета было роскошью, поэтому Луч просто притащил к Марку две двухлитровые баклажки пива.

Дома даже не было шумно, они смеялись, вспоминали Питер, рассказывали Даше про поход, умолчав только про палатки и Олю. Марку нравилось. Ему нравилась Даша, смеющаяся наравне с Лучом. Даша такая красивая, тонкая, маленькая и небледная, какой всегда была Лера из-за своей анемии. И Луч – такой восхитительно подавленный, что хотелось надавить еще сильнее, заставить заорать или выпустить ему кишки через глаза. Проткнуть, как Капитошку.

Они сидели в комнате, разлив пиво по большим кружкам, высыпав в огромную салатницу чипсы и сухарики, смотрели самые осточертевшие музыкальные клипы на ноутбуке и ржали над ними.

– Луч, ты че такой? – Марк отпил из своей кружки, хлебнув и пены. – Решил показать, каким говном я был в Питере?

– Да ладно, не говном ты был, просто грустненьким. – Даша посмеялась, заикаясь.

– Нет. Просто. – Луч вяло пошевелил пальцами, типа отмахнулся. Взялся за кружку, отпил и закинул ногу на ногу, устроившись в своем кресле-мешке.

– Какой-то непростой вы, Кирилл Витальевич. Беспokoит чет? – Марк ухмылялся, склабился и нарывался. Луч и забыл, как сильно от Марка иногда несло тверским быдлом. А все две недели после возвращения из Твери он таким и был. Он сидел рядом, жевал свою мятную жвачку так громко, будто с открытым ртом. И как только пивом не подавился?

– Марк, ну оставь его. Нет настроения, может. – Даша посмотрела укоризненно, выпятив губу так, как будто это у нее настроение было дерьмовым из-за того, что это она сболтнула лишнего недавно. Такая красивая полненькая губа. Чихнет, и губа эта лопнет. Как у Луча, если Марк ему сейчас врежет.

– Да я помогаю, да, Луч? – Марк поржал коротко, покашлял, фыркнул в кружку. – Не хочешь сказать «спасибо»? Нет?

– Марк. – Даша посмеялась, но тон был укоризненный.

– Ой, да иди ты. – Луч хмыкнул, сделал вид, что не неприятно.

А потом, когда спустя час понял, что стал немного лишним, прихватил с собой остатки последней бутылки и ушел. Даша с Марком сделали вид, что не заметили.

Вообще-то раскладушку Марк доставал именно для Луча, если бы тот вдруг решил остаться. А она так и не понадобилась.

Под футболкой выше пояса оказалось гораздо интереснее, чем тогда на крыше. И ниже – тоже. Даша была очень худой. Почти такой же, как Лера тогда, когда он видел ее в последний раз без одежды. Только Дашина грудь была почти полностью плоской, а Лере на это жаловаться не приходилось. Даже ляжки, которые ему так нравилось мять раньше, стали тоньше.

И запаха почти не было. Даша была почти незаметной – тихой и сухой – не потела почти, только нагревалась, как индукционная плита – местами, а на лице появлялись красные круги.

Они с Лерой всегда потом проветривали комнату, даже зимой, потому что дышать было нечем. Ее волосы постоянно оставались на липком теле, на простыне, на подушке, на полу. Даша была аккуратной – после нее Марк не нашел ничего.

Она уехала на следующий же день, мило поболтав с утра за завтраком, позвонив Лучевому, который «так рано ушел», вызвала такси и вернулась в Питер. Марка на прощание она только обняла неловко.

Теперь хотя бы стало понятно. Теперь это точно «да было дело, пару раз случайно, ничего такого».

Луч пришел под вечер.

Сел смотреть фильм на его ноутбуке, жевал пиццу, которую притащил, и молчал. Марк улыбался, смотрел больше на него, чем фильм, и не мог перестать.

Луч не вытерпел:

– А ты везде, где окажешься, бабу себе найдешь?

Марк еле сдержался, подавил смех. Хорошо, что Луч опять был без линз, нацепил свои очки и почти не видел его выражения лица сбоку.

– Куда ты мне ее притащишь, ты имеешь в виду?

– Ты же вроде еще скорбеть должен. – Лучевой все еще делал вид, что смотрит фильм. И ест пиццу.

– Ну вы ведь меня так старательно лечили от этого. Вот я вылечился. Или тебя что-то не устраивает?

– Все устраивает, просто спросил.

* * *

Новая работа разнообразием Марка не радовала. Она вообще его не радовала. Ни дружелюбным коллективом, ни цыплячьими рубашками, ни тем, что устроили его по благу.

Луч над ним издевался. Точно мстил за последний разговор «по душам». Он провел рукой по лицу.

В двадцать один год работать официантом – определенно бесперспективняк. Лишиться почти будущей жены – совершенно полный провал. Лучший друг debil – это как прицеп, с которым никто не возьмет.

С учебой определенно надо было что-то делать. Но точно не работать по профессии.

Марк начертил профиль в блокноте. Пусть менеджер думает, что он учит меню. Если менеджер вообще о нем подумает, учитывая, что он спит в углу барной стойки.

Бармен – под ней. Официант – за столиком в углу, который не видит камера.

Профиль стал морщинистый у глаз и как будто улыбочивый. Хотя бы есть работа.

Хотя не совсем ясно, зачем во вторник в четыре утра кому-то вообще нужно работающее кафе, кроме персонала, которому за работу платят деньги. Но если на то пошло, то зачем на форменной рубашке курицы – тоже никто не объяснил.

Спать хотелось почти сильно, поэтому Марк нарисовал в блокноте полудлинные патлы Луча. Нефор-скейтбордист. Хотя бы не такой прыщавый и убогий, как при знакомстве. Мерзкий до стертой эмали.

У Марка было время, чтобы подумать. Потеряв Лерку, Марк вдруг понял, что почти ни с кем не общался. Чуть-чуть с одноклассниками, но не настолько, чтобы они беспокоились о его прогулах. Чуть-чуть с бывшими одноклассниками, но не настолько, чтобы его вспоминали когда-то, кроме поездок в Москву со словами «надо бы пересечься».

Были Женя и Саша. Но они были всегда, как мама и папа, их не могло не быть.

Был Луч. Иногда Марк очень хотел, чтобы его не было. Но сам Луч считал, что он, как мама и папа, должен быть.

Была Лера. Она должна была быть всегда, но ее не было. И теперь, без Леры, Марк не хотел, чтобы Луча не было.

Теперь Марк начал немного ценить тех, кто «должны всегда», потому что не должны.

Семью не выбирают. Луча Марк тоже не выбирал.

Никогда бы не выбрал придурка, который даже не знает название улицы, на которой живет. Он бы перестал с ним общаться в тот момент, когда искал его улицу почти час.

«Ну вторая Лучевая, слева от Тверской. Ну слева, если от Кремля. Ты че тупишь? Пятый дом. Позвони, как придешь».

Чертова Большая Никитинская, а не Лучевая. В понимании Кирилла, Лучевая – любая из улиц, которые лучами ведут от Кремля. Лучевая в голове у него болезнь, на мозги ему давит. Лерка тогда долго смеялась, Лерка тогда его Лучевым назвала, а Марк поддержал – со злостью и бешенством, потому что ноги в октябре промокли в кедах, потому что ветер препротивный, а Кирилл даже трубку не брал. Беспольный идиот.

Был.

А сейчас – нет. Сейчас лучший друг. Единственный. Ну, или потому, что единственный.

Телефон в фартуке завибрировал. Раньше был Кирилл Маяк. Теперь Лучевой Маяк написал:

«Ну как работка?)))»

Марк закатил глаза, опустил руку под официантскую стойку, чтобы не было заметно телефона в руке, напечатал:

«Иди в жопу».

«Где благодарность?»

«Там, откуда ты свою голову достал».

«Это было сейчас так тупо, что даже не смешно. Забудь про юмор, даже не пытайся, официант – твое призвание».

А затем еще одно от Луча:

«Петушара».

И следом:

«Хотя у тебя такой ебальник прости господи».

Марк усмехнулся, постарался не заржать в голос. Напечатал почти вслепую, краем глаза следя за менеджером:

«Кукареку епта. Бодипозитив рулит».

«Харя-позитив, уебище)))».

«Ты хули не спишь?»

«Не могу спать, пока ты страдаешь. Наслаждаюсь. И немного представляю тебя в цыплячьей рубашке)))».

«Пиздец, Луч. Пиздец».

А потом еще одно от Марка:

«Завали ебало».

...Лучевой печатает.

Тишина.

...Лучевой печатает.

«Да шучу я. Не кипишуй. Мой хуй спокоен как удав».

«Луч, нам надо поговорить».

«А сейчас мы что делаем?»

Сообщение отредактировано: «Делаем».

«Ты понял о чем я».

Сообщение прочитано. Лучевой не отвечает. В зале тишина, даже музыка стала потише – хостес надоело читать под осточертевший за несколько месяцев плейлист.

Остальные спят. На часах четыре тридцать два. Профиль по-прежнему улыбается, если добавить что-то, он будет уже не улыбочивым, а страшным. А места на новый в блокноте нет. Лучевой не отвечает.

Четыре пятьдесят семь.

Новое сообщение от Лучевого Маяка:

«Я приду завтра?»

«Ну приходи)))».

Лучевой пришел поздно вечером. Признался, что долго решал – стоит купить бутылку или нет. Признался, что хотелось и перед приходом выпить бутылку. Хотя бы пива.

Марк пожал плечами. Мог бы и выпить, раз такое ссыкло.

– Ну и что ты хочешь мне рассказать? – Марк развалился на расстеленной кровати, сбивая одеяло, как подушку, под спину. Ему очень хотелось улыбаться, нервно, но почти без злости.

– Я? – Луч от гостеприимного чая отказался. От валерьянки тоже, истерично поржав на это предложение.

– Кирилл.

Луч дернулся. Как будто не имя, а обвинение.

– Что?

– Почему ты делал вид, что Лера мне пишет?

Луч пожал плечом, на Марка не смотрел. За окном только начинало вечереть, и Луч готов был проклясть лето, очень хотелось, чтобы было темно.

– Не знаю. Боялся, что ты будешь грустить.

– Грустить? Ты ебанутый?

– Да.

Марк улыбнулся. Конечно, он больной.

– Нравилось ее ебать и делать вид, что все окей?

– Нет.

– А нахуя?

– Не знаю.

Марк засмеялся беззвучно. Лучший друг – дебил. Единственный друг – конченный ублюдок. Он встал, повел плечами, разминая их, подошел к Лучевому, посмотрел сверху вниз.

– Вставай. – Он сказал негромко, а потом почти крикнул. – Встань!

Луч смотрел исподлобья. Встал еле-еле, заваливаясь обратно, неуклюже упираясь руками в пол по бокам от себя, Марк стоял слишком близко, так, что места, чтобы подняться ровно, просто не было. Он выпрямился, даже не сутулясь, но все равно чувствовал себя на фоне Марка немного ничтожно, несмотря на разницу в росте почти в полголовы.

– Ну что же, Гамлет, где Полоний? – Марк захихикал мерзко, краем глаза заметив на полке томик Шекспира. – Или лучше «не пей вина, Гертруда»?

– Что ты несешь? – Луч сдвинул брови, поморщившись. Не то чтобы он не понял. Шекспир ведь был его.

– Как ты это сделал?

– Сделал что?

Марк замахнулся, не став даже разжимать кулак, который сжал, еще когда встал с кровати. Ударил наотмашь, в скулу, хотя было неудобно, стоя так близко. Луч за лицо схватился, выдохнув резко и шумно, прижал влажную горячую ладонь к щеке и старался даже не дышать. Глаза припекло. То ли от боли, то ли от страха.

– Как ты это сделал? – Марк повторил, четко разделяя слова и выделяя это «как». Он даже не стал ждать, когда Луч распрямитесь.

– Она болела.

– Она всю, сука, жизнь болела.

Марк схватил его за запястье той руки, которой он держал рассеченную скулу. Жаль, что губа не лопнула. Он дернул его вверх, заставив снова выпрямиться, Луч сглотнул. Побледнел сильнее вечно бледной Лерки, выдохнул прерывисто.

Марку очень хотелось ударить снова. Уже сильнее. Он видел, что Луч не то что в ответ не ударит, он даже не станет прикрываться.

Не виноват он. Как же.

Луч держался, дышал глубоко и почти ровно, страшно.

Марк отошел, сел на кровать, почти удобно. Смотрел на Луча внимательно.

Луч стоял неприкаянно, смотрел в окно.

Молчал с минуту.

– Надо было все-таки бухнуть.

Марк засмеялся. Он бы сейчас тоже был рад выпить.

– Кирилл, – Марк позвал, Луч нехотя повернулся. – Помнишь, ты как-то, ужравшись, говорил мне, что мы с тобой настолько охрененные друзья, что если бы я убил человека, ты бы сначала помог мне спрятать труп и только потом сказал бы, что я мудака?

Луч кивнул, поджав губы, выдавил тихо:

– Помню.

– Так вот. Ты мудака.

Марк улыбнулся.

Любомир Билык
Семинар Евгения Сидорова, 3-й курс
Морской мальчик
(отрывок)

Я встретил ее поздней осенью. Пришел в аудиторию, утром. Раньше, чем обычно, пришел. Только солнце светило ярко, и я жмурился и укрдкой улыбался.

Белая аудитория – огромная, крашенные известью стены, на стенах – макеты сушеных рыб. Тут тебе треска, и щука, карасики мелкие, и главная гордость коллекции – огромный осетр. Между рыбой таблицы – как разделявать. У осетра, например, первым делом удаляют хорду, а еще аккуратно вырезают мочевого пузырь, не повредив его, иначе мясо будет горчить.

Я рассматривал таблицы в десятый раз уже, как в аудиторию вошла Надя. На ней была белая кофточка, обшитая серебристыми чешуйками, совсем как у карасика, а волосы растрепаны и небрежно лежали на плечах. Кажется, никто и не заметил, как она вошла. Ее мало кто замечал – Надя была девочка тихая, молчаливая, не разговаривала почти, а если и говорила, то голос у нее был неприятный и ломаный, и никто ее долго не слушал. Остановилась в углу, прямо под таблицей с разделанной рыбой и смотрела внимательно своими карими глазами – куда бы сесть. И я смотрел на нее исподлобья. Она повертела еще головой, а потом заплыла, плавно, ногами-плавниками своими, прямо под потоки солнца, и обожглась как будто, запрокинула голову, повернулась, поцеловалась бледной кожей с лучами солнечными, и тут стукнуло; глаза ее налились золотом, повернулась в другую сторону, выгнула хребет, и стукнуло второй раз; серебром засияла ее чешуя, заблестели стены, окна, засветились волосы и поплыли, поплыли щуки и карпы, поплыл осетр, взмахивая хвостом; повернулась еще раз, и стукнуло в третий; ветер подул, соленый ветер, и расплылась Надя, рассыпалась чешуйками, песчинками, растеклась по полу, растеклась, а я вдыхал запах моря и, дыша через раз, ловил серебряных рыбок в ледяном бегущем ручейке.

До самого конца занятий в тот день я не отрывал от нее взгляда – все ждал, когда же, когда она взмахнет волосами и засияет, я ждал и совершенно недоумевал – почему остальные не замечают воду под ногами, соль в воздухе, яркое небо на улице и огромное кипящее море на горизонте. После занятий в тот день я спустился к берегу – от корпуса с синей старой крышей, где учился, бежать было минут десять. По улице, что под уклоном спускалась вниз, быстро шел – мимо нагромождения шанхайских домиков на холме, мимо завода с молчащими в тот день черными трубами. Прошел мимо свежих гляцевых отелей в виде башен – они выстроились в ряд, будто охраняя подход к морю. Перешел через пустырь – слева начинался татарский район, справа – небольшая речка, мутная, серая, что протекала через весь город и в конце концов впадала в болото, переходящее в пляж. На берегах речушки росли камыши, а еще ромашки, маки и прочие росистые весенние травы. Там, где речка впадала в море, великая набережная заканчивалась. Мраморные огромные плиты, лестницы, перила и балясины уступали место камням, скалам и мелкому, больше похожему на пыль, песку.

Я шел, увязая в песке, мотал головой и все вдыхал воздух – «когда, когда?» Наконец, я перебежал через мост, обошел болото и выбежал на пляж. Вот оно. Дыхание моря.

Помню, как впервые почувствовал его. После бесконечного пути на автомобиле, после тысяч километров цветных лент за окном, наконец, остановились. Открыли двери. И ворвалось. Вскружило голову мне, еще городскому мальчику, вскружило своим йодом и водорослями, рыбами вскружило, облаками и тучами, закрученными, завернутыми в исполинскую спираль на сером небе. Я выскочил и побежал. Обомлел. От круглых серых камней, которыми

был усыпан весь берег. От высоких гор вокруг, покрытых хвойными лесами. От черных, мокрых скал. От разрушенных волнорезов. От сотен кричащих птиц, от маленьких рыбок у берега, от паутины солнечных лучей на дне, от тонкой, почти невидимой полоски, сияющей, что разделяет воду и воздух. Обомлел от осознания, физического ощущения чего-то огромного, страшного и сильного. От того, что в чернойчерной глубине скрывается на дне.

«Черному морю человек не хозяин», – сказал мне татарский мальчик. Волны накатывали, поглощали камни и уносились прочь, возвращались и гремели, ревели, шептали песчинками, камешками и разбивались, расплескиваясь. Тогда, видя первый в своей жизни шторм, я понял – море живое. Оно дышит. Значит, я тоже живой.

Солнце село за горизонт. Стемнело. Начинался дождь. Я выбрался на набережную. Когда мы только переехали, той поздней осенью, набережную еще не построили. Был только длинный пляж, плавно переходящий в город. Во время шторма море заплескивало прибрежную площадь, город захлебывался, город глотал соленую воду. Соль, вода, захлебываться. Ребра-стебли, бледная кожа, я был болезненным мальчиком, которого бросили на растерзание крымскому раскаленному солнцу и черному ледяному морю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.